

Бриллиант мутной воды

Автор:

Дарья Донцова

Бриллиант мутной воды

Дарья Донцова

Джентльмен сыска Иван Подушкин #2

Никогда не сдавайся! По этому принципу живет богатая бизнес-леди Элеонора, прикованная к инвалидному креслу. Иван Подушкин, ее личный секретарь, тоже вынужден следовать этому лозунгу. Все бы ничего, но Нора вообразила себя великой сыщицей, и Иван гоняет по городу, закинув язык на плечо, выполняя ее поручения. Дело в том, что с Нориной подружкой Соней произошло несчастье. Ее обвинили в жестоком убийстве невесты сына. Все свидетельствует против нее, она арестована, но Нора не верит, что интеллигентная Соня может обидеть даже муху. Иван мечется по знакомым убитой и сам не замечает, как выходит на убийцу, который уже приговорил незадачливого сыщика...

Дарья Донцова

Бриллиант чистой воды

Глава 1

«Даже если вас съели, у вас остается два выхода. „Русское радио“, все будет хорошо», – донесся с подоконника бодрый голос. Я рассмеялся и уронил тост с джемом. Естественно, он шлепнулся намазанной стороной вниз, но этот маленький казус не испортил моего веселого настроения. Все будет хорошо!

Молодцы работники «Русского радио», правильно придумали. Мне приходится довольно часто разъезжать по Москве на машине, фраза «Все будет хорошо», звучащая из динамика, придает бодрости, а грубоватые шутки вызывают улыбку. Конечно, почти все они, как говорится, ниже пояса, но смешные. «Даже если вас съели, у вас остается два выхода». А ведь правильно! Никогда не сдавайся!

Именно по этому принципу живет моя хозяйка Элеонора, и надо сказать, что добилась она поразительных успехов в бизнесе. Ей не мешает даже отсутствие ног. Нет, неверно, ноги у Норы есть, но, после того как в нее выстрелил нанятый конкурентами киллер, они больше ей не подчиняются. Элеонора прикована к инвалидному креслу. Однако, поверьте, ровно через пять минут после общения с ней вы забываете о том, что судьба обошлась с вашей собеседницей более чем жестоко. Может быть, дело в том, что коляска Элеоноры супернаворооченная, умеющая шагать по лестнице, а может, сама Нора, одетая в элегантный костюм и украшенная раритетными бриллиантами, совсем не вызывает желания ее пожалеть.

- Ваняша, - донесся резкий голос, - ты что, заснул? Иди сюда! Сколько звать можно!

Ну вот, кто черта помянет, а он уже тут! Я подобрал липкий кусок хлеба, вытер плитку бумажным полотенцем и поспешил на зов. Нора сидела у письменного стола. Увидав меня, она отложила бумаги и с плохо скрываемой иронией поинтересовалась:

- Что не заходишь, если проснулся?

Я вздохнул. Именно поэтому люди никогда не проявляют к Элеоноре жалости. Сплошное ехидство и яд, капающий с языка, - вот отличительные ее черты. Сама она встает каждый день в шесть. Сначала делает специальную гимнастику, надеясь на то, что недвижимые ноги оживут, а потом садится работать. Я же могу проспать до десяти, и моей хозяйке об этом великолепно известно. Вместо того чтобы велеть горничной Лене растолкать лентяя, Нора поджидает момент, когда секретарь наконец-то выползет из спальни, и начинает издеваться над ним с самым невинным видом.

Вот и сегодня она удивленно округлила умело накрашенные глаза и с деланным участием спросила:

- Ты не заболел? Скоро обед.

- Нет, - ответил я, - просто забыл завести будильник.

- Да? - Нора вскинула брови вверх. - Он тебе нужен? А я, к счастью, обхожусь без часов. Всегда просыпаюсь вовремя сама.

И это правда. Иногда мне кажется, что Элеонора наполовину робот: ну не может нормальный человек работать, как она.

- Садись, - велела хозяйка, - сегодня проверишь парочку адресов. Сначала Челышеву Людмилу Федосеевну. Она имеет кучу детей мал мала меньше, работает уборщицей. Старшему сыну требуется операция...

Начав зарабатывать большие деньги, Нора основала фонд «Милосердие» и порой дает нуждающимся крупные суммы. Письма мы получаем пачками, я отбираю те, где факты выглядят более или менее правдоподобно, и отдаю хозяйке, а она уже решает, кому сколько. Но перед тем как отправить человеку деньги, Нора посылает меня проверить состояние его дел. Я еду по указанному адресу и беседую с претендентом на материальную помощь. Человек может говорить о своем положении что угодно, мне же достаточно посмотреть на его квартиру, детей и под благовидным предлогом попросить открыть холодильник.

Никогда не забуду бабушку с хитро поблескивающими глазками, плачущую около дребезжащего допотопного «ЗИЛа». Но когда я попросил стакан холодной воды, сказав, что от теплой у меня начинается приступ астмы, бабуся распахнула обшарпанную дверцу, и перед моими глазами возникло восхитительное зрелище: баночка черной икры, кусок осетрины горячего копчения, палка колбасы, сыр, масло, майонез, яйца... Одним словом, очень вредные для старческого организма продукты, купленные явно не на нищенскую пенсию.

- Ты меня слушаешь? - прервала поток моих воспоминаний Нора.

Я кивнул:

– Конечно, много детей, а сама зарабатывает копейки...

И тут ожил телефон. Хозяйка схватила трубку:

– Привет, Николаша, как дела?

Я откинулся на спинку стула. Николай – это сын Софьи Чуевой, ближайшей приятельницы Элеоноры. Парень недавно отметил двадцатипятилетие и собирался жениться.

– Что?! – закричала Нора, неожиданно бледнея. – Что?!

Я подскочил на стуле. Николай явно сообщил Элеоноре какое-то не слишком приятное известие. Моя хозяйка положила трубку, молча вытащила сигареты, почиркала золотым «Ронсоном», потом отшвырнула не желающую работать зажигалку, схватила со стола копеечный пластмассовый «Бик», закурила и сказала:

– Соню арестовали.

Я чуть не свалился на пол.

– Что?!

– Соню арестовали, – повторила Элеонора. – Николаша сообщил. Он, как понимаешь, от всего произошедшего в невменяемом состоянии.

– Но за что? – только и сумел спросить я.

Конечно, в нынешнее время мало кого удивишь тем, что приятеля посадили в тюрьму. Половина страны отсидела, а у второй в местах заключения находятся родственники. Но Соня Чуева! Интеллигентная дама, справившая не так давно шестидесятилетие, кандидат филологических наук, всю жизнь преподававшая в институте русскую литературу девятнадцатого века? Очаровательная Софья Михайловна, добрая и отзывчивая, никогда не ставившая двоек?

- Соня убила Беату, - процедила Нора.

- Кого?!

- Невесту Николаши, неужели забыл?

Я молча смотрел на Нору. Софья Михайловна разошлась с мужем в незапамятные времена и жила с тех пор одна, в своем мирке. Наверное, в ее жизни были мужчины, но о них никто не знал, и студенты искренне считали свою преподавательницу старой девой. Представьте всеобщее удивление, когда стало известно, что Соня беременна. Правда, сначала на кафедре решили, что Чуева просто стремительно толстеет, настолько все были уверены в ее одиночестве. Но потом она ушла в декрет, и у изумленных коллег появилась животрепещущая тема для предположений: «Кто сделал ребенка Чуевой?»

К слову сказать, правды так и не узнали. Сонечка свято хранила тайну, отвечая на неделикатные вопросы:

- Перед вами случай непорочного зачатия, он уже был описан в мировой литературе.

Народ посудачил и замолк, а Сонечка стала воспитывать сына.

Сказать, что она любила Николашу, значит не сказать ничего. Умная, трезвая Соня совершенно неадекватно оценивала мальчика. По ее словам, он начал проявлять задатки гениальности еще в младенчестве.

- Николаша разговаривает, - сообщила она Норе, едва выйдя из роддома.

Та удивилась безмерно:

- Да ему только месяц! Не придумывай.

- Нет, - стояла на своем Сонечка. - Приходи, сама услышишь.

Заинтересованная Элеонора поехала к подружке. Младенец увидел ее и заулыбался.

- Те-те-те, гу-гу-гу...

- Вот! - гордо заявила Соня. - Он тебе говорит: «Тетя, здравствуй!»

Нора рассмеялась:

- Ну ты даешь! Это детский лепет, случайное сочетание звуков, что свойственно всем младенцам.

- Гу-гу-гу, - завел Николаша.

Соня решительно ответила:

- Не знаю, как все, а мой говорит очень хорошо, я его понимаю.

Нора не стала спорить с подругой, поняв, что у той на почве материнской любви пропала адекватная оценка реальности. Многие женщины, прижимая к груди бело-розовое крохотное существо, проходят эту стадию, потом, через какое-то время, трезвость рассудка возвращается к ним, но Соня сохранила «розовые очки» навсегда.

О сыне она говорила только в превосходной степени: самый умный, красивый, талантливый, воспитанный, душевный, заботливый...

Больше перечислять не стану, потому что не хватит книги, чтобы сообщить о достоинствах Николаши. Уверенность матери в исключительности сына не могло поколебать ничто, и Соня хотела, чтобы все окружающие относились к нему так же, как она.

Когда воспитательница детского сада не дала Коленьке роль в новогоднем спектакле, разгневанная мать явилась выяснять отношения.

- Но у нас музыкальная пьеса, - отбивалась Марья Ивановна, - с пением и танцами.

– И что? – побагровела Соня.

– У Коли нет ни слуха, ни голоса...

Разъяренная Соня кинулась к заведующей, потом в отдел народного образования, затем в горком партии. Она добилась своего. Марью Ивановну уволили, а Коленька стал исполнять во всех постановках главные роли.

– Вот видишь, – удовлетворенно сообщила Соня Норе, – какие дряни попадаются среди тех, кто работает с детьми! Зажимала моего Николашу, зато теперь его справедливо оценили.

Нора всегда говорит людям правду в лицо, поэтому ответила подруге:

– У мальчишки пока талантов не видно, просто в садике боятся твоего вздорного характера.

Соня промолчала. Нора единственный человек, которому позволялось критиковать Коленьку.

В школе словно из рога изобилия посыпались проблемы. Оказалось, что Коленька плохо пишет, не слишком бойко рассказывает стихи и отвратительно решает задачки. Он сменил пять учебных заведений, пока Соня не нашла такое, где преподаватели ставили детям пятерки просто так, не учитывая качества приобретенных ребятами знаний.

В двенадцать лет Соня отправила Николашу учиться живописи. В музыкальную школу его, несмотря на все усилия матери, не приняли, впрочем, в балетное училище тоже. Сначала Соня приуныла. Она-то видела сына на сцене, среди рукоплещущей толпы, за роялем или со скрипкой в руках, на худой конец исполнителем роли принца в «Лебедином озере», но педагоги, как один, заявляли:

– У ребенка нет данных.

Погоревав пару дней и рассказав Норе, какие омерзительно предвзятые люди занимаются отбором детей для профессиональной сцены, Соня утешилась и

обратилась к живописи. Николаша начал ходить в небольшую платную студию, расположенную в подвале одного из домов. И с этого момента Соня просто потеряла разум.

- Гениальный рисовальщик, - нахваливала она всем гостям сына, - вы только посмотрите!

Слабо сопротивляющихся приятелей хватала за руки и вталкивала в гостиную, стены которой были увешаны полотнами в дорогих резных рамах.

- Какая композиция, перспектива, краски... - восхищалась Соня.

Гости смотрели на листы ватмана, где неуверенная детская рука запечатлела елочку, кособокий домик, горбатую корову, и робко произносили:

- Потрясающе!

Вот так они и жили, Соня с Николашей. Паренек получал все, что хотел, у него у первого среди приятелей появился компьютер, музыкальный центр, мобильный телефон. При этом учтите, что зарплата преподавателя вуза, пусть даже и кандидата наук, очень маленькая, и Сонечке приходилось заниматься репетиторством, чтобы удовлетворить потребности избалованного сынули.

- Вот увидишь, - качала головой Нора, собираясь к Николаше на очередной день рождения, - ничего хорошего из принца не получится. Ты знаешь, что он придумал? Составил список и велел матери обзвонить всех гостей со словами: «Николаю лучше подарить деньги».

- А вы как отреагировали? - улыбнулся я.

- Купила копеечный брелок для ключей, - фыркнула Нора, - по-моему, это отвратительно, так выкручивать людям руки. Знаешь, Николаша захотел купить автомобиль, вот и решил потрясти знакомых матери. Понимает, стервец, что меньше ста долларов люди постыдятся положить в конверт. Ты бы видел, как он поджал губы, увидев брелочек. - Нора звонко рассмеялась и продолжила: - Небось думал, глупая Элеонора, с ее капиталами, тысячу «зеленых» отвалит. Ан нет, он уже в таком возрасте, когда можно и самому зарабатывать. Брелок ему в

самый раз.

Я тяжело вздохнул:

- Вы, наверное, еще не преминули сообщить, что он хорошо подойдет к ключам от «Мерседеса».

- Именно так, - хихикнула Нора, - капризных следует учить.

Но урок не пошел впрок, и на Новый год Соня опять позвонила и заявила:

- Николаше лучше деньгами. Ах, он такой рачительный, такой аккуратный! Все тратит только на дело.

Впрочем, не стоит говорить о парне только плохое. Да, он инфантилен, крайне несамостоятелен, беззастенчиво эксплуатирует материнскую любовь и вряд ли добьется в жизни успеха. Но вместе с тем он очень любит Соню. Когда та заболела и оказалась в больнице, сын ни на шаг не отходил от ее постели. Давил сок из гранатов и моркови, носился на рынок за парной телячьей печенкой. Готовил какие-то экзотические блюда, чтобы возбудить у мамы убитый антибиотиками аппетит. Правда, деньги он насобирал в долг, и Сонечка, едва оправившись после операции, взяла в два раза больше учеников, чтобы расплатиться с кредиторами.

Еще Николаша не гуляка, он не курит, не пьет, девушками не увлекается. Свободное время проводит у компьютера. Он окончил полиграфический и сейчас подвизается в одном небольшом издательстве художником. Оклад его невелик, все тяготы материального обеспечения семьи по-прежнему лежат на не слишком крепких плечах Сонечки, но она не жалуется. Она готова день-деньской носиться по городу, только бы ее сокровище получило на ужин бутерброд с черной икрой. Когда-то в детстве анализ крови показал, что у Николаши низкий гемоглобин, и Соня взяла за правило подавать парню в кровать бутерброд с икрой. Где она добывала сей продукт в годы тотального дефицита и как расплачивалась за него, для меня оставалось загадкой. Но, несмотря ни на какие коллизии, Николаша обязательно получал лакомство.

Понимаете теперь, в какую истерику впала Соня, когда сын сообщил, что хочет жениться!

Чуева принеслась около полуночи к Норе, упала на диван и забилась в рыданиях. Ей было так плохо, что Нора, перепугавшись, вызвала своего домашнего доктора, который вколол Соне успокоительное.

- Нет, ты только послушай, - всхлипывала она, отпихивая дрожащей рукой рюмку с валокордином, которую я услужливо пытался ей подать, - нет, какой ужас!

- Что стряслось? Объясни наконец, - велела Нора.

И Соня наконец рассказала, в чем дело.

Николаша нашел девушку, ужасную особу, настоящую шалаву, без роду и племени. У девчонки есть только одно: редкое имя. Любимую Николаши звали Беата.

- Она сирота, - всхлипывала Соня, - воспитывалась теткой, которая умерла.

- Так это хорошо, - влез я, - у Николаши не будет тещи, огромный плюс!

Но Сонечка не оценила моего здравого замечания.

- Живет сия особа в трущобе, не имеет даже пары сменного белья, зарабатывает копейки, а главное, она старше Николаши, уже была замужем и воспитывает дочь. Ужас! Катастрофа! Я никогда не допущу этого брака!

Через некоторое время выяснилось, что все не так жутко, как казалось вначале.

У Беаты есть собственная квартира, правда, крохотная, однокомнатная, расположенная в одном из самых дешевых районов Москвы - Капотне. Но Соня с Николашей обитают в Бескудникове, в панельном доме улучшенной планировки. Побывав один раз у них в гостях, я страшно удивился и спросил Нору:

- Чем же эта квартира отличается от обычной? О какой «улучшенной планировке» идет речь? Кухня крохотная, санузел совмещенный, потолок давит на макушку.

– Ну с твоим метром девяносто пять везде низко, – ухмыльнулась Нора, – а насчет «улучшенности»... Думаю, речь идет о шкафе.

– О чем? – изумился я.

– Ну, у Сони прямо возле входной двери сделали встроенный шкаф, такой небольшой отсек, куда можно запихнуть два пальто. В обычных домах это не предусмотрено!

Я не нашелся что ответить. Но нас сейчас не интересуют жилищные условия Сони. Главное, что она не обладала тридцатикомнатным дворцом на Рублевском шоссе и не могла сказать, что Беата польстилась на жилищные условия жениха. В конце концов, однокомнатная квартирка в Капотне и «двушка» в Бескудникове не слишком отличаются друг от друга.

Потом выяснилось, что никакой дочери у Беаты нет, просто ей иногда подсовывает своего ребенка младшая сестра.

Вот насчет возраста чистая правда. Избранница оказалась старше жениха и замужем успела побывать.

В семье Чуевых разгорелась настоящая война. До сих пор Николаша никогда особо не спорил с матушкой, даже подростковый период он миновал без особых скандалов и отстаивания собственного мнения. На мой взгляд, это говорило о его полнейшей несамостоятельности и глубочайшем инфантилизме, но Соня, закатывая глаза, говорила:

– Мой мальчик просто чудо. Как послушаешь, что другие парни в пятнадцать лет творят, дурно делается, родителей ни в грош не ставят! А Николаша, чуть что, за советом бежит.

Но, познакомившись с Беатой, Николай кардинально переменился, я даже начал испытывать к парню нечто похожее на уважение. Он заявил матушке:

– Мы поженимся в декабре.

Соня пыталась отговорить его, но сын стоял на своем. В дело были пущены все женские уловки: фальшивый обморок, вызов врача, причитания: «Вот умру, пожалеешь обо мне, да поздно будет». Но все оказалось напрасно. Николай был тверд в своем желании иметь жену. В прошлую пятницу мы с Норой получили две розовые открытки с изображением целующихся ангелочков. На них золотыми буквами было написано: «Николай Чуев и Беата Быстрова приглашают вас на свое бракосочетание, которое состоится в 12 часов дня 30 декабря по адресу: Пименовский проезд, дом 2».

Я посмотрел на календарь. 29 декабря. До свадьбы оставалось ровно сутки.

– Вот что, – резко сказала Нора, – поезжай к Чуевым и узнай, что у них произошло.

Я кивнул и отправился к машине.

Глава 2

До Бескудникова я добрался через два часа, угодив во все возможные пробки. Ездить по Москве становится все более проблематично, иногда мне кажется, что удобнее пользоваться метро, но, к сожалению, в нашем городе полно мест, где нет станций подземки. Автовладельцы согласятся со мной в том, что перед праздниками на дорогах столицы наступает полный паралич. В Москву караванами съезжаются гости. Люди хотят сделать покупки или просто погулять по городу. Но большинство шоферов, чьи машины украшены иногородними номерами, не имеют опыта вождения в огромном мегаполисе, не знают улиц, переулков и путают Бульварное кольцо с Садовым. Из-за их нерасторопности, нерешительности и плохой реакции количество пробок возрастает. И потом, пусть простят меня милые дамы, но кое-кому из них просто противопоказано братья за руль.

За примером далеко ходить не надо. Вот сейчас передо мной в потоке шел шикарный джип «Лексус». На водительском месте с сосредоточенным лицом сидело очаровательное белокурое существо, очень похожее на ожившую куклу Барби. Внешне девчушка была хороша, как ангел. Но природа любит равновесие. Наградив представительницу женского пола красотой, она, как правило,

забывает про ум.

«Лексус» заморгал левым поворотником. Хорошо, что я не раз попадал в подобные ситуации и знал, что последует далее. Моргая левым задним фонарем, джип резко взял вправо. Девушка явно задумала повернуть к магазину из третьего ряда. Я притормозил и пропустил дурочку. И тут же раздался такой звук, словно вспороли гигантскую банку со шпротами. Шедший в соседнем ряду «жигуль» врезался в «Лексус». Я сочувственно вздохнул, парень не москвич, на номерном знаке у него стоит цифра 17, и он явно не привык к тому, что моргающие левым фонарем машины сворачивают направо. Поток автомобилей в очередной раз встал. Я молча наблюдал, как из джипа выскочила разъяренная девушка в лаковых туфельках. Затаптывая эксклюзивную обувь по грязи, она выхватила мобильный и, потрясая копной белокурых волос, явно уложенных элитным парикмахером, затараторила в трубку так громко, что звук достиг моих ушей сквозь закрытые стекла:

– Вовчик, блин! Тут один... в мой автомобиль!.. Немедленно приезжай и убей его!

Я покачал головой. Да уж, не повезло парню. На дороге действует неписанный закон: кто ударил сзади, тот и виноват. Интересно, сколько стоит починить этот «Лексус»?

Во дворе Сониного дома машины стояли так плотно, что мне пришлось бросить свою «восьмерку» на проспекте. Дверь мне открыл незнакомый парень.

– Вам кого? – буркнул он без тени улыбки на лице.

– Николай дома?

– К нему нельзя.

– Все же пропустите, меня прислала Элеонора, лучшая подруга Сони, позвольте представиться...

– Я вас, Иван Павлович, сначала не признал, – вздохнул парень, – вы меня, впрочем, тоже.

– Извините, что-то не припомню...

– Андрей, сын Анны Михайловны.

Я всплеснул руками:

– Андрей! Бог мой! Совершенно невозможно узнать, я видел тебя последний раз лет десять назад, подростком!

Племянник Сони улыбнулся:

– Входите, только Колька спит, мы ему с Олей коньяка слишком много налили. Оля – это моя жена. Вы слышали, что я женат?

Я кивнул:

– Конечно. Соня рассказывала Норе о твоей супруге, говорила, какая прелестная девушка тебе досталась, и очень переживала, что ее сестра не дожидала до свадьбы своего сына. Все сокрушалась: «Бедная Анечка! Так и не увидела Андрюшиного счастья». Мне кажется, она очень завидовала тебе, ведь Беата...

– Знаете, Иван Павлович, – вздохнул Андрюша, подавая мне тапки, – если бы Колька захотел жениться на Ольге, она бы мигом вызвала ненависть тети Сони. Впрочем, любая женщина, оказавшись она невестой Николая, пробудила бы не самые добрые чувства у его матери.

– Ты прав, – кивнул я и прошел в комнату, которая служила одновременно спальней Сони и гостиной.

На довольно потертом велюровом диване сидела полноватая девушка в круглых очках, делавших их обладательницу похожей на сову. Увидав меня, она встала и вежливо произнесла:

– Добрый день.

Я осторожно пожал пухлую ручку с нежной кожей и грустно сказал:

– Ну, учитывая обстоятельства, из-за которых мы тут очутились, эту пятницу нельзя назвать доброй. Сделайте милость, расскажите, что случилось?

Оля развела руками:

– А мы сами ничего не знаем.

– Николай позвонил в полной истерике, – перебил ее Андрей, – в среду.

– В среду? – удивился я.

Андрюша кивнул:

– Ага, около трех часов дня мне на мобильный. Я с трудом понял, в чем дело...

Я внимательно слушал парня. В отличие от Николаши ему не слишком повезло в жизни. Анечка, младшая сестра Сони, умерла, когда сыну исполнилось шестнадцать лет, и Андрею пришлось самому заботиться о себе, потому что отца у него не было. К слову сказать, Соня не слишком помогала племяннику. Правда, пару раз она пыталась дать ему денег, но Андрей твердо сказал:

– Нет, я мужчина и сумею самостоятельно выплыть.

Его позиция вызывала уважение, и мне этот мальчик всегда нравился больше избалованного Николаши. Андрей весьма успешно окончил школу, но высшего образования не получил, пошел в художественное училище, выучился на ювелира и сейчас неплохо зарабатывает, делает серьги, броши и кольца. Насколько я знаю, с Николаем он не особо дружен, встречается только на семейных праздниках.

В среду Андрей поехал к клиенту с готовым заказом. В пробке при выезде на Минское шоссе его застал звонок. Сначала парень не понял, кто кричит в трубку:

– Скорей, сюда, ко мне, помогите!

Да и номер на определителе высветился незнакомый. Но потом мужчина на том конце провода немного успокоился и вполне внятно сказал:

– Андрей, это я, Николай. Случилось несчастье, немедленно приезжай по адресу...

Парень сразу понял, что дело серьезно. Двоюродный брат практически никогда не обращался к нему, делал дежурные звонки в Новый год и на день рождения...

Кое-как развернувшись, Андрей помчался в Капотню. Дверь открыл абсолютно серый Николай. Увидев двоюродного брата, он вцепился в него ледяными пальцами и забормотал:

– Господи, что делать-то? А? Что делать?

Андрей оглядел родственника, отметил, что тот вполне цел и здоров, и, слегка успокоившись, спросил:

– Ну? В чем дело?

Николаша ткнул пальцем в сторону комнаты:

– Там...

Андрей шагнул внутрь тесной, заставленной мебелью каморки и зажал рукой рот, пытаясь заглушить рвущийся наружу вопль.

Помещение напоминало бойню. Все вокруг: палас, обои, даже занавески – было покрыто каплями бурой, засохшей крови. Запах, стоявший в комнате, сладкий, приторный, вызывал тошноту. Но кошмарнее всего выглядел диван. На пушистом, некогда бежевом, а сейчас ржаво-коричневом от пролитой крови велюре лежало тело женщины. Вернее, то, что от него осталось. Труп покрывали пятна, кругом были реки крови, а лицо несчастной, с широко раскрытым ртом, выпученными глазами и жуткой предсмертной гримасой испугало Андрея почти до потери сознания.

Он добрал до кухни, выпил стакан ледяной воды и спросил:

– Это кто?

– Беата, – шепнул Николай. – Пришел к ней утром, звоню, звоню, не открывает. Решил, что она в ванной сидит, ну и открыл дверь своим ключом. – Потом он помолчал и добавил: – Я в обморок упал, головой о косяк приложился.

Андрей опять начал глотать воду, он сам едва удержался от того, чтобы не грохнуть.

– Делать-то теперь что? – шептал Николай, ломая пальцы.

– Ты милицию вызывал?

– Нет, – растерянно ответил двоюродный брат, – тебя ждал.

Андрей молча взял телефон. Инфантильный Николаша привык в трудных ситуациях рассчитывать на других.

Вскоре приехала бригада, и началась обычная в подобных случаях процедура. Дома Николай оказался только в девять вечера. Соня, причитая, уложила его в кровать и принялась поить Андрея чаем, приговаривая:

– Боже, ты себе представить не можешь, какой это стресс для моего мальчика!

Андрей пропустил мимо ушей бестактное замечание тетки. Если разобраться, он тоже испытал стресс, к тому же, называя сына «мальчиком», Соня явно забыла, что Андрей младше двоюродного брата на два года.

На следующий день Николаша не встал, лежал в кровати, Соня вызвала к нему армию врачей. Она ни на секунду не отходила от сына, забыв сообщить о жутком событии Норе и другим подругам. Но в пятницу утром, около восьми, случилось невероятное. В дверь позвонили, Соня открыла дверь, увидела группу милиционеров... А потом ее увели, и Николаша опять, впав в истерику, позвонил Андрею.

– Где же сейчас Соня? – спросил я.

– Была в районном отделении, – ответила Оля, – я бегала туда, думала, увижу ее.

– Ну и?..

– Сказали, что отправят на Петровку, в изолятор временного содержания. Вроде она убила Беату.

– Бред, – фыркнул я, – Соня не способна мухи обидеть. Да, ей не нравилась будущая невестка, но такое происходит с тысячами женщин.

Оля мрачно сказала:

– Я то же самое заявила милиционерам, а они ответили, будто там, на месте преступления, осталось столько улик против нее, что следствие – это лишь проформа.

– Ты не запомнила фамилию человека, который с тобой беседовал?

– Никонов Дмитрий Константинович, – ответила девочка.

Глава 3

Вечером, около восьми, к нам приехал Максим Иванович Воронов. Макс работает на Петровке, он имеет звание майора. Мы познакомились совершенно случайно, во время очень неприятных событий, связанных с внучкой Элеоноры Ритой. Когда ситуация, о которой я даже не хочу тут вспоминать, разрешилась, Нора отправила Маргариту от греха подальше. Сейчас Риточка учится в Лондоне, в очень дорогом закрытом колледже. Студентов выпускают за его пределы только три раза в год: на Рождество, Пасху и летние каникулы.

Максим прошел в комнату и сел в кресло. Он один из немногих, кого я зову просто по имени и на «ты».

– Хочешь чаю? – заботливо поинтересовалась Нора.

– Лучше бутерброд с колбасой, – попросил Макс, – весь день ничего не ел.

– Одно не исключает другого, – хмыкнула Нора, – только извини, сегодня на самом деле угощу тебя бутербродами, ужина нет. Впрочем, завтрака и обеда тоже не было. Ну нельзя же считать едой ту тошнилровку, что приготовила Ленка. Ладно, велю ей соорудить сэндвичи, надеюсь, хоть на это она способна.

Нажав на кнопку, спрятанную в ручке кресла, Элеонора выкатилась в коридор.

– У вас же вроде была кухарка, Туся? – недоуменно спросил Максим. – Готовила вполне прилично...

Я кивнул.

– Точно, была такая, но вчера Нора ее выгнала.

– За что?

– Хозяйке первый раз за год пришла в голову идея проверить счета, и выяснилась интересная вещь.

– Какая?

– Десяток яиц в нашем городе стоит сто рублей, а батон хлеба – тридцать. Я уже не говорю про мясо, рыбу, чай и кофе.

– Где она нашла такие цены? – изумился Максим.

– Вот и Нора задала себе такой же вопрос, – ухмыльнулся я, – а потом выставила наглуго воровку за дверь. И теперь мы живем в условиях, приближенных к фронтовым. Горничная Лена хорошо убирает, чудесно гладит, но ее варево пахнет так отвратительно, что и пробовать не хочется.

Не успел я закрыть рот, как в гостиную вкатилась Нора, держа в руках поднос, заставленный тарелками. Максим подскочил к ней.

– Спасибо, право, мне неудобно, что вы...

– Напекаешь на то, что я немощный инвалид, неспособный подать гостю чай? – прищурилась Нора.

Максим слегка растерялся:

– Нет...

Элеонора ухмыльнулась. Вот всегда она так! Сконфузит человека и довольна. Я ринулся на помощь Максиму:

– Нора всегда сама угощает тех, кого любит.

Хозяйка дернула плечом, но промолчала. К слову сказать, она совсем не сентиментальна и терпеть не может дамские присюсюкивания и причмокивания. Плачущей я видел ее только один раз, ревела моя хозяйка не от отчаяния или горя, а от злости.

Максим мигом проглотил бутерброды, залпом выпил чай и машинально вытащил из кармана сигареты, потом спохватился и засунул пачку обратно. Кабы я не знал, что Макса растила мама-алкоголичка, трезвевшая только после ночи, проведенной на морозе, подумал бы, что он получил отличное воспитание. Майор ведет себя как светский человек: встает, когда в комнату входит дама, ловко говорит комплименты, улыбается окружающим и не дымит вам в нос. До знакомства с Максом у меня было иное мнение о представителях закона.

– Кури, кури, – разрешила Нора и вынула золотой портсигар, набитый папиросами «Беломор».

Где она достает омерзительные сигарки, для меня остается загадкой, мне ни разу не поручали их покупать. Впрочем, иногда у Норы на столе можно увидеть упаковку «Казбека», она не переносит ничего другого, даже крепкий «Житан» кажется ей слишком легким.

– Давай, – велела Элеонора, – рассказывай.

Макс спокойно произнес:

– Да ничего хорошего. К сожалению, гражданка Чуева совершила действие, наказуемое законом. Может, она была в состоянии аффекта, что слегка облегчит ее участь, но не избавит от ответственности.

– Ты не можешь нормально говорить? – взвилась Нора.

– Запросто, – ответил Макс, – значит, так. Ваша Соня прирезала эту Беату с особой жестокостью. Ой, простите, снова на свой суахили скатываюсь. Она искромсала бедную девушку кухонным ножом, нанесла ей двадцать четыре раны, что, в общем, слегка облегчает ситуацию.

– Не понима-аю, – протянул я.

– Хуже было бы, ударь она точным движением, ну, допустим, прямо в сердце, хотя нетренированному человеку трудно с одного раза точно попасть в него, – абсолютно спокойно объяснял приятель, – и уж совсем было бы нехорошо, принеси она с собой опасную бритву или пистолет. А так, кухонный нож, множество ранений. Суд может проявить снисходительность.

Я удивился:

– По-моему, ты несешь чушь! Двадцать четыре ранения лучше, чем одно?

– Ну конечно! – неожиданно ответила Нора. – Сам посуди. Если бы она прихватила из дома кинжал, ловко ударила и сразу убила, следовательно, планировала преступление, тщательно готовилась. А ежели схватила ножик для резки хлеба и била им во все попадающиеся под руку места, значит, находилась в состоянии аффекта. Временное помрачение сознания облегчает участь виновного. Ведь так?

Максим кивнул. Я покачал головой.

– Извините, но Соня совершенно не похожа на человека, способного кинуться на девушку с ножом. Она интеллигентный, воспитанный человек...

– Знаешь, Ваня, – вздохнул Макс, – я могу тебе такого порассказать про образованных и милых. Вот недавно взяли одного доктора наук и профессора,

большого ума человек, то ли двадцать, то ли тридцать книг написал, по его учебникам армия студентов выучилась. Этаким благородный отец семейства: седые волосы, очки, костюм, речь великолепная, ну вроде тех экземпляров, что ходят к твоей матери на вечеринки.

- Ну и что? - спросил я.

- Любовницу убил, - спокойно сказал Макс, - двадцатилетнюю девчонку. Позвал к себе на дачу, придушил, потом в ванне на части разрезал, в мешочки упаковал, в саду в разных уголках зарыл. И спокойно пошел работать. Он, понимаете ли, ни дня без строчки прожить не может. Кстати, и в СИЗО пишет, очень уважаемый в камере человек.

Меня затошнило. Очевидно, Макс понял, какую реакцию вызвал его рассказ, потому что добавил:

- Хороший человек, плохой, добрый, злой... Это слова, а есть улики.

- Какие? - напряженным голосом поинтересовалась Нора.

- Извините за каламбур, убийственные.

- Ну! - поторопила его Элеонора. - Говори.

- Время смерти Беаты было определено достаточно точно, - ответил приятель. - Она скончалась во вторник, между девятнадцатью и двадцатью часами.

- Откуда это известно? - не утерпел я.

Макс спокойно пояснил:

- Установление давности смерти проводится по многим показателям. Когда известно время последнего приема пищи, то судят по особенностям содержимого желудка, имеются энтомологические исследования, касающиеся развития насекомых, преимущественно мух, уже спустя пару часов после кончины личинки...

Я сглотнул слюну и быстро сказал:

- Хорошо, хорошо, я тебе верю. Значит, между семью и восьмью часами вечера?

- Да, - кивнул Макс, - именно в это время Соня приехала к Беате. Ее видела соседка, у которой Чуева спросила: «Двадцать девятая квартира на каком этаже?» Девушка ответила: «На третьем», - и потеряла всякий интерес к тетке, потому что ее ребенок начал засовывать в рот снег.

Мы с Норой молча слушали. Следующим свидетелем оказалась пенсионерка Коростылева из тридцать пятой квартиры. Она несла из магазина тяжело набитую сумку, притомилась и остановилась на лестничной площадке третьего этажа передохнуть. Свою торбу она плюхнула около двери Беаты. Не успела бабушка перевести дух, как из недр квартиры донеслись звуки скандала. Ругались две женщины, одна, судя по звонкому, резкому голосу, довольно молодая, другая - в возрасте. Двери в пятиэтажке как картонные, стены словно из бумаги, поэтому старушка великолепно услышала перепалку.

- Оставь в покое моего сына, негодяйка, - злилась пожилая.

- Пусть он сам решает, с кем быть, - парировала молодая.

- Ты стара для него, испорченный продукт!

- Отвяжись и вообще убирайся из моего дома!

- Дрянь, сволочь! - взвилась дама постарше. - Только о деньгах и думаешь! Имей в виду, моего материнского благословения на этот брак нет!

- А оно нам надо? - захихикала молодая. - Подавись им, кретинка старая. Я, между прочим, нормально к вам относилась, но раз так себя ведете... Сегодня же велю ему ко мне перебираться с вещами.

- Только посмей!

- И что? - издевалась молодая. - Что вы сделаете? Накажете? В угол поставите? Материнское порицание выскажете? Держите меня, сейчас скончаюсь!

– Я тебя убью! – заорала пожилая.

Послышался дикий грохот. Бабушка Коростылева испугалась, что дверь квартиры распахнется, подхватила торбу и побежала к себе. Дома она очутилась без пятнадцати восемь.

– Так точно помнит время? – тихо спросила Нора.

– Да, потому что успела быстренько запихнуть продукты в холодильник и сесть смотреть «Вести», – пояснил Макс. – Евдокия Петровна Коростылева никогда не пропускает эту программу, ну привычка у нее такая – ровно в восемь включать второй канал.

Пока Евдокия Петровна сидела перед голубым экраном, события продолжали развиваться своим чередом. Мамонтова Катя, та самая девушка, которая подсказала Соне, на каком этаже находится нужная ей квартира, мирно пасла своего малыша около подъезда. Внезапно тяжелая железная дверь распахнулась, чуть не пришибив молодую мать.

– Эй, – возмутилась та, – нельзя ли поосторожней дверью шваркать!

Из подъезда вылетела тетка, толкнув дитя. Ребенок упал, ударился головой о землю и зарыдал. Катя кинулась к сыну и заорала:

– Ты, дура! Ребенка уронила!

Но женщина даже не подумала извиниться.

Она стремглав бежала по дорожке, ведущей к метро. Незастегнутая шуба развевалась у нее за спиной. Катя хотела было помчаться вдогонку и как следует пнуть беспардонную бабу, но сынишка продолжал хныкать, и ей пришлось утешать малыша, у которого на лбу быстро наливался темно-фиолетовый синяк. Катерина подхватила сына, вошла в подъезд и увидела на полу крохотную сумочку.

Внутри обнаружился паспорт на имя Чуевой Софьи Михайловны, носовой платок, дешевая губная помада, кошелек и ключи. Обрадованная Катя прихватила

добычу с собой. Сумку явно потеряла обидевшая ребенка тетка, вот теперь-то она попляшет! Катя вычислит ее телефон и потребует хорошую денежную сумму за возврат документа.

Макс замолчал, потом спросил:

– Достаточно?

– А что, еще имеются улики? – осведомилась Нора.

– Да, – ответил Максим. – Соня ехала домой на машине. Поймала бомбиста, пообещала ему двести рублей. Мужчина согласился.

Он довез Чуеву почти до дома, когда она попросила притормозить у продовольственного магазина:

– Подождите минуточку. Только хлеб куплю.

Шофер послушно остановился у входа, но через пару минут он заметил, что его пассажирка пересекает улицу. Очевидно, она вышла через второй выход и хотела убежать, не заплатив. Водитель выскочил из «Жигулей», поймал нахалку и стал требовать деньги. Та решительно отказывалась отдавать обещанные две сотни, заявляя:

– С ума сошел? Ни с кем я никуда не ехала! Вы меня перепутали с другой женщиной!

От подобной наглости водитель даже растерялся, но потом взял себя в руки и собрался надавать мерзкой обманщице пощечин. Вся сцена разворачивалась на глазах у сотрудника ГИБДД, стоявшего на перекрестке. Поняв, что в двух шагах от него закипает скандал, постовой двинулся в сторону ссорящихся. Соня увидела милиционера, испугалась и быстро сказала:

– Я потеряла сумку с деньгами, на, возьми.

Шофер посмотрел на симпатичные дамские часики, смахивающие на золотые, и буркнул:

– Давай.

Потом, правда, он пожалел о том, что взял безделушку. Ни продать, ни подарить ее своей любовнице он не мог. С внутренней стороны имелась гравировка: «Сонюшке в день рождения».

– Это я ей подарила, – вздохнула Нора.

В гостиной повисло молчание. Приятель опять закурил и сказал:

– Уж извините, я забыл упомянуть сущие мелочи. На столе в кухне остались стоять две полупустые чашки с чаем. На одной полно отпечатков пальцев гражданки Чуевой, а вот на ручке ножа, которым убили Беату, их нет. Кто-то стер, что очень подозрительно. Очевидно, сначала беседа развивалась вполне мирно, и жертва выпила со своей убийцей чай. Еще учтите, что все знакомые Софьи Михайловны в один голос твердят, будто она ненавидела будущую невестку и не упускала возможности сказать о той гадости. Думаю, дело обстояло просто. Соня приехала к Беате незадолго до свадьбы. Наверное, хотела заставить ее отказаться от бракосочетания, а когда разгорелся скандал, не справилась с собой и схватилась за нож.

– Чем мы можем ей помочь? – тихо спросил я.

Макс пожал плечами:

– Наймите хорошего адвоката, но дело тухлое, лет на десять тянет. Хотя, учитывая возраст, состояние аффекта и первую ходку, может отделаться «семеркой».

Глава 4

Около семи вечера Нора вкатилась ко мне в спальню и сказала:

– Не верю.

– Чему? – поинтересовался я, откладывая томик Дика Фрэнсиса.

– Соня не способна убить человека, она до сих пор ничего такого не совершала.

Я улыбнулся:

– Ну, этот аргумент звучит весьма странно. Мало кто начинает уничтожать себе подобных с детства. Все-таки серийные маньяки достаточная редкость. Как правило, люди, не принадлежащие к криминальному миру, хватаются за нож один раз в жизни. Соню просто довели до этого. Наверное, Беата начала издеваться над матерью Николая.

– Соня не могла втыкать нож в тело более двадцати раз, – протянула Нора.

– Она находилась в состоянии аффекта, не понимала, что творит.

– Нет, – упорно качала головой Нора, – тут что-то явно не так! Я слишком хорошо знаю Соню!

– Иногда из человека вылезает такое, – вздохнул я, – помните историю с Ритой? Вы могли предположить, кто автор затеи?[1 - См. роман Дарьи Донцовой «Букет прекрасных дам». М.: Эксмо.] Если бы мне сказали, что...

– Иван, – ледяным голосом произнесла хозяйка, – я запретила произносить в моем доме ЭТО имя.

– Хорошо, не сердитесь, бога ради, просто я хотел напомнить, что, даже общаясь с человеком на протяжении всей жизни, иногда трудно узнать, что творится у него в душе.

– Вечером в понедельник, где-то около полуночи, мне позвонила Соня, – тихо сказала Нора, – сначала плакала, жаловалась на судьбу, говорила, что не хочет жить, потому что сын решил вычеркнуть мать из своей жизни.

Я внимательно слушал Нору. Беспощадная к коллегам по бизнесу, железная леди, спокойно разоряющая конкурентов, которая ради выгодного контракта

равнодушно «утопит» десяток коллег, расчетливая, холодная Элеонора, живущая не эмоциями, а рассудком, никогда не предаст своих товарищей. Впрочем, тех, кого она может назвать друзьями, очень мало, хватит пальцев на одной руке, чтобы их пересчитать. Нет, вы не подумайте, будто вокруг Норы никого нет, в доме частенько собирается толпа приятелей, партнеров и просто симпатичных ей людей, но друзей мало. Собственно говоря, их всего трое: Соня Чуева, Светлана Кадышева и Марина Аكوпова. Они сдружились еще в юности, в студенческие годы, когда ничто не предвещало солидного богатства Норы. Кстати, ни Соня, ни Светлана, ни Марина никогда не просят у Элеоноры денег в долг, хотя все три дамы живут более чем скромно. Когда моя хозяйка стремительно обзавелась капиталом, она решила помочь подружкам. Для начала задумала подарить Марине просторную квартиру. У Акоповой трое детей, муж-бюджетник, и переехать из крошечной «двушки» она даже не мечтала.

Нора думала преподнести сюрприз, просто положить на стол связку ключей и купчую, но потом все-таки решила, что квартиру должна выбирать хозяйка, и поговорила с Акоповой. А та наотрез отказалась, воскликнув с обидой:

– Не хочу, чтобы наша дружба омрачалась денежными расчетами.

Нора поняла свою ошибку и больше никогда ее не повторяла. На дни рождения и праздники она не дарит подружкам дорогие подарки, приносит милые сувениры, чаще всего копеечные.

Правда, квартиру Акоповой она все-таки пробила. Поговорила в муниципалитете с людишками, отвечающими за распределение жилплощади, раздала немаленькие взятки чиновникам... В результате Акоповы получили от государства четырехкомнатные хоромы с огромной кухней. Марина, стоявшая в очереди на улучшение жилья больше десяти лет, ничего не заподозрила. Один из ее детей астматик, а муж, доктор наук, имеет право на дополнительные метры. Аكوпова до сих пор рассказывает всем, что и в нашем государстве может победить справедливость, но я-то знаю, кто «подмазал» рельсы, по которым прикатил к ней вагон счастья.

Помогла Нора и Свете, когда ее дочь решила поступать на юрфак МГУ. Наученная ситуацией с жильем Марины, моя хозяйка обстряпала дело тайно, просто-напросто заплатив пронырливой тетке-преподавательнице, обещавшей, что девочка всенепременно попадет на первый курс. Так и вышло. Танечка получила на вступительных экзаменах сплошные пятерки, и Света без устали

нахваливала дочь.

Нора помолчала пару секунд и добавила:

– Поплакав от души, Соня неожиданно сказала: «Знаешь, когда ситуацию изменить нельзя, с ней следует примириться. Я приняла решение».

– Какое? – поинтересовалась Нора.

– Если буду продолжать противиться браку, то потеряю сына, – печально ответила подруга, – ночная кукушка дневную перекукует. Николаша уйдет к этой особе, и все. Нет, теперь я изменю свое поведение. Сделаю вид, что люблю Беату, может, и впрямь привыкну к ней, хотя она явно не пара моему мальчику, возраст очень смущает, да и развод за плечами.

– Может, это и неплохо, – спокойно сказала рациональная Элеонора, – обожглась на молоке, начнет дуть на воду. Зачем Николаше двадцатилетняя свиристелка? Готовить не умеет, домашнее хозяйство никогда не вела, профессии не имеет... Станет ждать, что муж ей в кровать кофе таскать начнет. Тебе хочется посадить себе на шею еще один рот? А Беата самостоятельная женщина, вполне состоявшаяся, нормально зарабатывающая, скорей всего понимающая, что брак – это не только бурные семейные радости, но и нудные хозяйственные обязанности. Знаешь, на твоём месте я бы радовалась, а не плакала. И потом, ты столько раз твердила о своей всепоглощающей любви к сыну, что сейчас странно наблюдать твоё поведение.

– Почему? – удивилась Соня.

– А как ты понимаешь любовь? – вопросом на вопрос ответила Нора. – По-моему, если испытываешь к человеку глубокие чувства, то сделаешь все ради его счастья. Николай полюбил эту женщину, и ты должна к ней хорошо относиться. Зачем создавать сыну лишние трудности. Представляешь, как ему трудно метаться меж двух огней? На мой взгляд, ты сейчас демонстрируешь не материнскую любовь, а глубокий эгоизм и собственнические чувства.

Соня швырнула трубку, а Нора расстроилась. Наверное, не следовало так резко разговаривать с подругой. Но через полчаса телефон снова зазвонил, и из трубки донесся нервный голос Сони:

- Нора, ты права. Я вела себя, как дура! Надо немедленно исправлять ситуацию, надеюсь, еще не поздно! Сейчас же беру серьги Калерии Сергеевны и еду к Беате. Отдам ей украшение, скажу, что они переходят в нашей семье от матери к дочери, обниму ее, попрошу прощения, предложу дружбу. Как ты думаешь, она пойдет на контакт?

- Конечно, - обрадованно воскликнула Нора, - очень правильное решение!

- Мне так жаль, что Николаша стал взрослым, - пробормотала Соня.

- Ничего, - засмеялась Элеонора, - небось скоро получишь младенца и снова будешь счастлива.

- Все, все, - затараторила Соня, - уже несусь.

- Лучше завтра, - посоветовала Нора.

- Нет, только сейчас, - заявила подруга и отсоединилась.

- Ну и о чем это свидетельствует? - осторожно осведомился я, видя, что Нора замолчала.

- Она поехала к Беате с огромным желанием наладить хорошие отношения, даже дружбу. Соня никак не могла убить невесту Николаши, - отрезала Нора.

- Вы не правы, - покачал я головой. - Желаемое - это одно, а действительность - совсем другое. Небось вошла в квартиру, полная светлых чувств, а потом разгорелся скандал!

- Беату убили во вторник, - напомнила хозяйка, - между девятнадцатью и двадцатью, а Соня приезжала к ней накануне. Ты когда-нибудь видел серьги Калерии Сергеевны?

Я кивнул. Конечно, единственная драгоценность, имевшаяся у Сони, - это дорогие подвески с бриллиантами редкой чистоты. Они достались ей от матери, и даже в самые тяжелые, голодные годы Соня не продала их. Впрочем, она

редко надевала украшение.

- Вот, - протянула мне Нора ключи, - поезжай, посмотри.

- Куда? - удивился я.

- На квартиру к Беате.

- Зачем?

- Внимательно осмотри там, меня интересует, лежат ли где-нибудь серьги Сони. Судя по всему, квартира несчастной невелика, особо тайных мест там не будет.

- Но...

- Собирайся.

- Дверь, скорей всего, опечатана.

- И что?

- Как же я войду?

- Ваня, - ухмыльнулась Элеонора, - «печать» - это всего лишь полоска бумаги, оторви - и вперед.

Я только покачал головой. Конечно, Элеонору подобное препятствие не остановит, но для меня оно представляется значительным, потому что я законопослушный гражданин, хотя... Пару раз и мне приходилось совершать предосудительные поступки. Я посмотрел на связку ключей и запоздало удивился:

- Откуда они у вас? Неужели Беата дала? Когда и зачем?

Нора рассмеялась:

- Нет, конечно, я никогда не видела эту девушку.

- Но ключи?

- Это отмычки. Какая-нибудь обязательно подойдет. Скорей всего, на двери там самый простенький, примитивный замок.

Я уставился на изогнутые железки.

- Это же противозаконно.

- Действуй, Ваня, - велела хозяйка и, не слушая моих возражений, выкатилась в коридор.

Сами понимаете, что мне пришлось подчиниться.

Жила Беата в не слишком приятном месте, в пятиэтажке первого образца, в доме, который явно был предназначен на снос. Единственное преимущество жилья было в тишине. Здание стояло вдали от больших магистралей, в глубине квартала, и летом тут, наверное, было как на даче. Но сегодня, накануне Нового года, пейзаж выглядел уныло. Как всегда, перед самым радостным праздником потеплело, снег мигом исчез из дворов, превратившись в серо-черную грязь, деревья стояли голые, покосившаяся лавочка у подъезда пустовала. Перед домом не было ни единой живой души: не гуляли собаки, не кричала ребятня, не сплетничали старухи. В промозглый, сырой день все предпочитали сидеть дома, пить чай. Только в самом дальнем углу развевалось на ветру чье-то белье: ситцевые застиранные пододеяльники и наволочки, устрашающего размера розовые атласные лифчики, необъятные панталоны и бесчисленное множество детских разноцветных колготок.

Радуюсь, что не встретил никого на лестнице, я дошел до нужной квартиры, с удовлетворением отметил, что на соседних дверях нет «глазков», оторвал узкую белую полоску бумаги и всунул одну из отмычек в скважину.

Нора оказалась права, замок был примитивен до предела. Железный штырь легко повернулся, чик-чирик - и дверь открылась.

Я вошел в прихожую и огляделся. Да, похоже, Беата была не слишком обеспечена. Самая простая сосновая вешалка, крохотная калошница, зеркало в железной раме, кусочек паласа на полу... Кухня была обставлена более чем дешевой отечественной мебелью, купленной, скорей всего, в конце восьмидесятых. Бело-серые шкафчики из пластика, дверцы которых украшает орнамент из розочек. Никакой бытовой электротехники, кроме чайника «Тефаль», тут не нашлось. Впрочем, и довольно большая комната была обставлена скудно. Обеденный стол, гардероб, четыре стула, два продавленных кресла. Черно-белый телевизор «Рубин» на обшарпанной тумбочке и диван, при взгляде на который по моей спине побежали мурашки. Светлый велюр покрывали буро-коричневые пятна.

Стараясь не смотреть на то место, где нашла свою смерть несчастная девушка, я открыл шкаф и начал осматривать полки. Насколько я знаю, женщины держат бархатные коробочки либо в тумбочках, либо среди белья.

Поворошив пару свитерков, я вздохнул. Беата была не слишком аккуратна. Вещи оказались скомканы и в беспорядке засунуты в шкаф. Колготки лежали вместе с трусиками, лифчики соседствовали с шерстяными кофточками, брюки валялись на дне шкафа, впрочем, юбки тоже. На плечиках висели пиджак и три блузки. Кстати, все вещи были мятыми, заношенными. Единственное, что выделялось, – это комплект нижнего белья, явно очень дорогой: лифчик и кружевные трусики. Даже странно, что нищая девушка позволила себе купить такое белье. Но набор был всего один, может, подарок?

Я еще раз потрогал скомканные вещи и немедленно сообразил: тут ведь явно был обыск. Небось «порядок» в гардеробе навела милиция.

Серьги я нашел в небольшом ящичке, среди маленьких коробочек, набитых дешевой бижутерией. Подвески лежали на черном бархате, когда на бриллианты попал электрический свет, они заискрились, заиграли разноцветными огнями. Не зря правила велят дамам надевать эти камни только вечером, бриллиант «оживает» лишь при искусственном освещении. Странно, однако, что их не забрала милиция. Хотя, наверное, сотрудники МВД не имеют права просто так изымать вещи, а эти серьги не улика – ведь они не знали, чьи эти подвески. Я поколебался и положил серьги себе в карман. Дорогие украшения принадлежат Николаю. Соня привезла их Беате, думая, что вещи все равно останутся в семье, перейдут внукам... Но свадьба не состоялась, и драгоценности надо отдать Николаю, пусть он распоряжается семейным

достоянием по своему усмотрению, это память о его матери и бабушке, да и, кстати, стоят больших денег.

Я еще раз окинул взглядом комнату, стараясь не натолкнуться глазами на ужасный диван. Все тут осталось таким, как в день убийства. Никто не позаботился о том, чтобы убрать квартиру, похоже, у Беаты не было ни заботливых родственников, ни хороших друзей.

Увидев коробочку, Нора воскликнула:

- Вот видишь! Я была права! Соня тут ни при чем!

- На мой взгляд, наличие серег ничего не доказывает.

- Ваня! Ну посуди сам, это же совершенно нелогично! Сначала подарить девушке драгоценности, а потом вернуться на следующий день и убить ее?

- Могло быть не так!

- А как?

- Соня передумала ехать к Беате вечером, все-таки уже было поздно, перенесла визит на следующий день. Подарила будущей невестке серьги, попила у нее чай, а потом вспыхнула ссора, закончившаяся убийством.

- Нет!!!

Я пожал плечами. С Норой спорить бесполезно, если вобьет что-то себе в голову, пиши пропало.

- Ладно, - хлопнула по столу Элеонора, - оставим пока вопрос открытым. Давай начинай собираться. Насколько я понимаю, ты в девять вечера должен заехать за Николеттой.

Я кивнул и пошел в свою спальню. Сегодня 31 декабря, и Новый год мы с хозяйкой встречаем в разных местах, впрочем, и она, и я идем в ресторан. Семейные посиделки у елки над тазиком «Оливье» и жареной курицей нас не

привлекают. Тем более что у меня нет жены, которая бы приготовила соблазнительные новогодние яства, а кухарку Нора выгнала. Конечно, можно отправиться в супермаркет и закупить готовой еды или заказать пару блюд из ресторана. Честно признаюсь, моя давнишняя мечта – услышать бой курантов в полном одиночестве, облачившись в халат и тапки. Опрокинуть рюмочку коньяка... Сладкую газированную воду, которую у нас выдают за шампанское, я терпеть не могу. Потом можно посмотреть пару минут телевизор, ужаснуться глупости телепрограмм и спокойно лечь спать. Но «мечтать не вредно», как говорил иногда мой папенька, отбиваясь от очередных претензий маменьки. И мне придется сейчас натягивать смокинг, застегивать бабочку, засовывать ноги в тесные лаковые ботинки, чтобы сопровождать Nicolette в ресторан «Желтая мельница». Порой мне кажется, что к времяпрепровождению с Nicolette и ее подружками следует приговаривать преступников. Украл деньги? Получи три часа. Избил жену? Изволь отсидеть пять вечеров в гостиной. Уж поверьте, зная, что за следующее нарушение закона грозит вновь очутиться с глазу на глаз с милейшими дамами, преступники испугаются до потери криминальных наклонностей.

Глава 5

Тем, кто еще не знает, сообщу, что Nicolette – моя матушка. Вы легко подсчитаете, сколько лет маме, если узнаете, что ее единственный сын не так давно справил сорокалетие. Но, столкнувшись с моей маменькой в гостиной, никогда не дадите ей более пятидесяти, это при ярком, дневном свете, а в лучах электроламп Nicolette кажется моей ровесницей, иногда выглядит даже моложе. К слову сказать, она прилагает массу усилий, чтобы не потерять форму. Редко кто из женщин, имея взрослое чадо, сохранил талию в шестьдесят сантиметров. Nicolette никогда не ест мучного, сладкого, жареного... Салат, крекеры, белое отварное куриное мясо, овощи, кроме авокадо, фрукты, исключая виноград и бананы, – вот ее меню, практически неизменное на протяжении многих лет. Расслабиться Nicolette не позволяет себе никогда, справедливо считая, что стоит лишь один раз отпустить вожжи, и повозка стремительно покатится с горы.

Когда в шестьдесят лет ей стало понятно, что диеты недостаточно и бедра стремительно начинают терять былую стройность, матушка мигом записалась на массаж. Теперь три раза в неделю к ней приходит улыбчивый массажист Игорь

Федорович. Результат налицо, вернее, совсем на другом месте. Противные жировые отложения исчезли, и Николетта спокойно продолжает носить брюки-стрейч. О круговых подтяжках лица, шеи и бюста я вам здесь рассказывать не стану. В конце концов, каждый человек имеет право на маленькие тайны.

Но это были не единственные операции в ее жизни. Два года тому назад Николетта обнаружила, что плохо различает предметы. Врачи велели ей носить очки. Маменька пришла в ужас, в ее системе координат очки – это признак дряхлости. Решительным шагом она отправилась в центр к Федорову и без долгих раздумий легла на операцию. Ради внешности Николетта готова на все!

Ровно в девять вечера я позвонил в дверь родительской квартиры. Мне открыла Таисия, домработница Николетты.

– Ох, Ваняша, – запричитала она, беря у меня пакет с подарком, – ну балуешь просто! Зачем тратился!

– Носи на здоровье, – улыбнулся я, – там теплый халат.

– Ой, ой, ой, – покачала головой Тася, вытаскивая подарок, – какая красотища, прямо мерить страшно, пусть пока повисит.

– Свадьбы подождет, – хмыкнул я.

– Скажешь тоже, – всплеснула руками Тася, – я уже старая, шестьдесят пять стукнуло, какие женихи!

– Смотри, чтобы тебя не услышала Николетта, – ухмыльнулся я и снял пальто, вновь вызвав шквал восторгов.

– Ваня, какой ты красивый вырос, высокий, плечики широкие, прямо принц, тебе жениться самая пора!

Я обнял горничную. Тася когда-то была моей няней, и иногда в ней оживают воспоминания о крохотном Ваняше, которого она сажала на горшок и водила гулять.

- Не беспокойся, найдется супруга.

- Да уж давно бы надо под венец, - зудела Тася, - холостяк - пустоцвет, ни деток, ни радости.

Я молча причесывался у зеркала. Ну, с последним заявлением можно поспорить. Основная масса моих приятелей женаты и имеют наследников подросткового возраста. Честно говоря, глядя на их семейную жизнь, я тихо радуюсь, что избежал ярма. Впрочем, я имею подругу, к которой питаю самые добрые чувства. Мне кажется, что Люси отвечает мне взаимностью, но к официальному оформлению наших отношений мы пока совсем не готовы.

- Отстань от него, - велела Николетта, влетая в прихожую. Я оглядел матушку и совершенно искренне сказал:

- Ты ослепительна!

Николетта подскочила к огромному, от потолка до пола, зеркалу, встала к нему боком и недовольно процедила:

- А мне кажется, что разжирела, как корова!

- Да что вы такое говорите, - всплеснула руками Тася, - талию двумя пальцами обхватить можно! Ни у кого из ваших подруг такой нет!

- Ты полагаешь? - протянула маменька.

- Кока чистая лошадь! - воскликнула Тася.

- Фу, как грубо, - сморщилась маменька.

- Зато справедливо, - улыбнулся я, накидывая ей на плечи пахнущую дорогими духами норковую шубку. - Кока и впрямь смахивает на водовозную клячу. Ей худоба совершенно не к лицу.

Услышав, как мы с Тасей критикуем ее заклятую подругу, матушка мигом пришла в чудесное расположение духа и улыбнулась домработнице.

– Ладно тебе, гуляй тут, пей шампанское, смотри телевизор. Мы вернемся около шести.

Я вздрогнул, услышав эту информацию. Честно говоря, я надеялся, что вечер в ресторане закончится не позже двух, все-таки основному составу компании давно перевалило за шестьдесят, и вот теперь выясняется, что Николетта собирается веселиться до тех пор, пока администрация не начнет выталкивать гостей за ворота.

В самом радостном настроении матушка вышла из подъезда, увидела мои «Жигули» и мигом забрюзжала:

– Господи, Ваня, ну когда ты наконец купишь приличный автомобиль?

– Какой ты имеешь в виду? – спокойно поинтересовался я, распахивая перед ней дверцу.

Николетта села на заднее сиденье, она никогда не устраивается спереди. Ведь всем известно, что возле шофера сидит не хозяйка, а непонятная личность, подобранная водителем на дороге в целях пополнения собственного кошелька. Владелица машины всегда находится сзади. Эту мысль внушила матушке другая ее обожаемая подружка – Лёка.

Расправив необъятную юбку, Николетта ответила:

– Какую, какую, понятия не имею! А на какой зять возит Коку?

– На «Мерседесе», – обреченно ответил я, великолепно зная, что сейчас последует.

– Вот видишь! – кинулась в бой маменька. – И нам надо такую купить!

Я молча завел мотор.

– Отчего мы стоим? – негодовала Николетта.

- «Жигули» должны прогреться, на улице сильный мороз.

- «Мерседес» едет сразу, - безапелляционно заявила маменька.

Я не стал с ней спорить, это бесполезно, Nicolette перекричит любого, у меня нет никаких шансов победить.

- «Мерседес» не трясется, в нем не воняет бензином, и выглядит он шикарно, - гнула свою линию Nicolette. - Отчего тебе не купить его?

- Дорого очень, - проронил я и тотчас сообразил, что привел неправильный аргумент.

- Дорого?! - взвизгнула Nicolette. - Почему?

Как ответить на подобный вопрос?

- Потому что я столько не зарабатываю.

- А вот зять Коки может купить «Мерседес», - заявила Nicolette.

Я попытался сосредоточиться на дороге, слава богу, она была почти пустыня. Основная масса москвичей сейчас толчется на кухнях, упоенно режет «Оливье». Конечно, зять Коки может позволить себе и не такие покупки. Кока долго выбирала муженька для своей апатичной дочурки и, надо сказать, преуспела. Жора - владелец сети автозаправочных станций и богат до неприличия. Правда, его нельзя назвать светским человеком, и к тому же он «лицо кавказской национальности», которое держит жену в состоянии постоянной беременности, но Кока теперь ездит на «Мерседесе» и имеет шубу-недельку. Знаете, что это такое? Представьте, что в вашем шкафу висит семь манто и вы меняете их, как трусики, каждый день. В понедельник надеваете каракулевое, во вторник - норку, в среду - бобра... Ну и так далее.

Я с моим секретарским окладом никогда не смогу достичь благополучия зятя Коки, но Nicolette не задумывается, откуда берутся деньги на ее содержание.

Честно говоря, мой папенька избаловал жену до безобразия. Он был писатель, достаточно обеспеченный человек, много издававшийся в годы советской власти, а маменька всю жизнь отличалась вздорным характером и умением превратить тихий семейный вечер в жаркий скандал. Поэтому отец просто откупался от жены. Ему было проще дать ей денег на новую шубу или бриллиантовые серьги, чем выслушивать упреки. С тех пор у Николетты сложилась твердая уверенность: стоит только потребовать нечто, как оно само падает ей в руки. При этом учтите, что моя матушка – бывшая актриса, не реализовавшаяся до конца на сцене.

Когда Павел Подушкин, мой отец, скончался, на сберкнижке осталось двести пятьдесят тысяч рублей. Тому, кто забыл, какие цены были при большевиках, напомню, что самая дорогая в коммунистические времена машина «Волга» стоила десять тысяч, поэтому в материальном плане для Николетты ничего не изменилось, и она со спокойной душой созывала гостей и устраивала файф-о-клоки и журфиксы[2 - Файф-о-клоки и журфиксы – чаепитие и день приема. (Искаженный англ. и фр.) (Прим. автора.)].

Я же после окончания Литературного института мирно писал первую книгу стихов и работал в журнале редактором. Не случись перестройки, перестрелки и стремительного обнищания страны, мы бы с Николеттой прожили вполне хорошо. Скорей всего, я бы вступил в Союз писателей по отделению поэтов, а матушка продолжала бы по-прежнему блистать в свете. Но вы сами знаете, что произошло с нами после 1992 года.

Сбережения отца сгорели на костре экономических реформ, мы превратились в нищих. Я, честно говоря, растерялся. А вот Николетта совершенно не пала духом. Ей и в голову не пришло, что можно продать бриллианты или съехать в меньшую по площади квартиру. Нет, маменька продолжала закатывать вечеринки и приказывала Тасе покупать на рынке в декабре оранжерейный виноград. Честно говоря, я удивлялся, откуда у нее деньги. А потом решил, что Николетта просто тратит некий валютный запас, существование которого было от меня ранее скрыто.

Но вскоре ситуация прояснилась самым неприятным образом. Мне позвонил мужчина и, назвавшись банкиром, без всяких обиняков заявил:

– Когда собираетесь отдавать долг?

- Какой? – безмерно удивился я. – Разве я брал у вас деньги?

- Приезжайте в офис, – велел парень.

В полном недоумении я явился по указанному адресу и уставился на кучу бумажек, подписанных Николеттой.

- Ваша мать сказала, что вы расплатитесь, – буркнул барыга.

Я онемел. Сумма казалась фантастической. Выпросив у ростовщика неделю отсрочки, я рванул к Николетте и потребовал ответа.

Маменька спокойно отставила в сторону баночку с неприлично дорогим кремом для лица и заявила:

- Да, я брала в долг. А что делать? На сберкнижке пусто.

Проглотив фразу: «Следует жить по средствам», я ошарашенно спросил:

- Ну и где взять эту жуткую сумму?

Николетта повернулась к зеркалу и, похлопывая по щекам подушечками пальцев, невозмутимо сказала:

- А мне какое дело, где ты достанешь деньги!

Я растерялся окончательно.

- Но ведь их тратила ты!

- Между прочим, – «объяснила» маменька, – я делала тебе подарки. Кстати, мужчина не должен впутывать даму в финансовые расчеты. Я трачу – ты зарабатываешь, нормальная позиция.

Не буду вам рассказывать, как выкрутился из сложной ситуации, но до сих пор львиная доля денег, которые платит мне Элеонора, уходит на капризы

Николетты. Так что «Мерседес» мне не купить никогда, если только решусь ограбить банк, что, учитывая мой характер, совершенно невозможно.

Наш столик в ресторане «Желтая мельница» был расположен у самого подиума, на котором выступали артисты. Компания разодетых мужчин и женщин поглощала напитки. Я понюхал содержимое своего бокала. Ярко-красный цвет жидкости смутил, пришлось позвать официанта и спросить:

- Что это?

- Наш подарок клиентам, - ответил халдей, - коктейль «Огни Москвы»!

- Из чего он сделан?

- Шампанское, водка, клюквенный сироп, - услужливо перечислил ингредиенты парень.

Я с тревогой посмотрел на Николетту, прихлебывавшую жидкость ядовитого цвета. Шампанское с водкой! Во времена моей молодости такая гремучая смесь называлась «Северное сияние» и валила с ног здоровенных мужиков.

Я осторожно тронул маменьку за локоть:

- Не пей.

- Почему? - удивилась та. - Очень вкусно.

- Это не слишком хорошая штука.

- Господи, вечно ты всем недоволен, - процедила Николетта, поставила на скатерть пустой бокал и схватила мой, полный до краев. - Хоть в Новый год не занудничай. Не нравится - не пей, а мне по вкусу.

Я положил себе на тарелку салат и взял приборы. Ладно, посмотрим, что она запоет утром.

Праздник катился своим чередом. Сначала три девушки, что называется «унисекс», исполнили нечто вроде канкана. Затем они же вышли в кокошниках, потом в перьях и, наконец, в расшитых шароварах. Девушки старались изо всех сил. Мне стало их жаль. Судьба обошлась с ними жестоко. Народ бодро празднует Новый год, а они задирают вверх тощие ножки, старательно изображая веселье.

Затем настал кульминационный момент, одна из танцорок расстегнула бюстгальтер. Я вздохнул, вот уж, право, жалкое зрелище. Грудь у несчастной девочки просто отсутствовала, к тому же ей явно холодно, кожа покрылась пупырышками. Не знаю, как остальных мужчин, но меня это зрелище не возбуждало. Голая девушка не вызывала никакого желания положить ее к себе в койку. Хотелось подать ей пальто и по-отечески предложить: «Прикройся, милая, так и воспаление легких схватить можно».

Правда, другая танцорка выглядела аппетитно, этакий розовый молочный поросенок, слишком тучный для плясок на сцене.

Я отвернулся и занялся жульеном. Празднество катилось к финалу. Появилась престарелая эстрадная дива в парике, с накладными ресницами и слишком торчащим бюстом. Я украдкой глянул на часы: ровно четыре. Может, намекнуть Николетте на то, что пора домой? Но покрасневшая маменька весело хохотала и ковыряла вилкой жареную картошку. Очевидно, Николетта решила сегодня забыть все запреты, потому что вкусные и питательные клубни она не ест очень давно, даже в отварном виде.

Я промаялся еще с полчаса и пересел на небольшой диванчик, стоящий у стены. В конце концов, попробую подремать, что, учитывая громкую музыку, весьма проблематично. Все же мои глаза закрылись, усталость взяла верх над грохотом. Я совсем было отбыл в царство Морфея, но тут раздался восторженный вопль:

– Вау!!!

Кое-как разлепив веки, я глянул на сцену и вскочил на ноги.

В ослепительно белом свете прожектора танцевал молодой парень. Из одежды на мальчишке были только кожаные трусики, вернее, фиговый листочек, держащийся на тоненьких ремешках. Справедливости ради следует признать,

что выглядел паренек, словно молодой греческий бог, наверное, большую часть своей юной жизни он провел в тренажерном зале и солярии. Накачанная фигура дергалась в разные стороны, нагибаясь к лежащей на полу партнерше. Я в полном негодовании дошел до подиума.

Только не подумайте, что я ханжа и вознегодовал при виде мужского стриптиза. Вовсе нет, меня совершенно не смутил голый мальчишка, просто не понравилось, что его партнершей была Nicolette.

Маменька лежала на спине, безостановочно смеясь. Стриптизер изображал эфиопскую страсть, зал выл. Я в недоумении наблюдал за действием. Как поступить? Утащить Nicolette со сцены? Это глупо. Но смотреть на «спектакль» было невыносимо. Представляю, что завтра станет рассказывать всем Кока.

Проснувшись этак часов в шесть вечера, она схватится за трубку и начнет всем названивать: «Ах, ах, только представь себе картину! Nicolette Адилье лежит на полу, а над ней скачет стриптизер!»

Но, переведя взгляд на Коку, я увидел, что светская дама, законодательница моды, женщина безупречного поведения, в полном восторге бьет в ладоши. А когда она, засунув в ярко накрашенный рот два пальца, унизанные бриллиантовыми кольцами, издала свист, которому позавидовал бы и Соловей-разбойник, до меня внезапно дошло: Кока пьяна. Впрочем, Nicolette и другие дамы тоже. Фирменный коктейль свалил с ног всех.

Наконец музыка стихла. Nicolette села и, продолжая хохотать, принялась засовывать пареньку в трусики зеленые бумажки. Я только дивился, глядя на представление. Откуда маменька знает, как расплачиваются со стриптизером?

Около шести утра полупьяные кавалеры подхватили совершенно раскисших дам. Я довез Nicolette до дому и сдал на руки Тасе.

– У нее завтра будет болеть голова, – предупредил я домработницу.

– Да уж ясное дело, – ответила та, укрывая хозяйку одеялом, – похмелье скрутит. Зачем она столько выпила?

Я спустился к машине. Николетту сгубил коктейль. Зачем она столько выпила? Затем, что никогда никого не слушается и всегда поступает по-своему.

Глава 6

Около часа дня меня разбудила Элеонора. Просто вкатилась в мою спальню, отдернула занавески и заявила:

– Хватит дрыхнуть.

Я сел и спросил:

– Почему?

– Вставай, – велела хозяйка, выезжая в коридор, – брейся и иди в гостиную.

Через полчаса, отхлебнув кофе, я услышал:

– Сейчас поедешь к Беате, найдешь там этих свидетелей, ну Катю Мамонтову, ребенка которой толкнула Соня, потом бабушку Евдокию Петровну...

– Зачем?

– Побеседуешь, потолкуешь...

– Но...

– Иван Павлович, – сурово заявила Нора, – ты мой секретарь и обязан подчиняться.

– Но я никак в толк не возьму...

– Соня не убивала Беату!

Я чуть не пролил отвратительно сваренный кофе.

– А улики?

– Бред, я хочу доказать, что они сфабрикованы.

– Но...

– Собирайся. И помни, я – Ниро Вульф, ты – Арчи.

Чувствуя, что голову сжимает железным обручем, я безнадежно кивнул. Понятно, Норе опять приспичило поиграть в детектива.

Моя хозяйка страстная любительница детективных романов. Все шкафы в ее спальне забиты соответствующей литературой. На полках стоят тома Дика Фрэнсиса, Нейо Марш, Чейза, Макбейна, Картера Брауна, Агаты Кристи. Естественно, представлены тут и отечественные писатели: Леонов, Адамов, братья Вайнеры, вся Маринина, Дашкова, Полякова... Но самым любимым автором хозяйки является Рекс Стаут, придумавший толстяка Ниро Вульфа и его помощника Арчи Гудвина.

Ниро никогда не выходит из дома, он расследует преступления, сидя в кресле. Сведения для него добывает Арчи, без усталости носящийся по городу. Когда у нас случилась пренеприятная история, связанная с внучкой Элеоноры Ритой [З - См.: Дарья Донцова. «Букет прекрасных дам». М.: Эксмо.], хозяйке пришла в голову «замечательная» идея. Она сама найдет преступника, станет как Ниро Вульф. Неблагодарная роль мальчика на побегушках отводилась мне.

Я был не большой охотник до криминальных историй. Мой литературный вкус развивал отец, поэтому на тумбочке у кровати я всегда держал книги кого-нибудь из поэтов Серебряного века и качественную фантастику. Но Нора, чтобы поставить «чистый эксперимент», заставила меня прочитать более чем тридцатитомное собрание Рекса Стаута. Сначала я с огромным трудом «жевал» страницы, старательно преодолевая отвращение. За спиной у меня пять лет обучения в Литературном институте, а педагоги этого вуза более чем пренебрежительно отзываются об авторах криминальных историй. Но примерно на четвертой книге я поймал себя на том, что с нетерпением жду развязки событий. Конечно, среди детективов много низкопробных поделок, но есть

классика жанра и писатели, создающие великолепные вещи, написанные сочным языком, с лихо закрученными сюжетами. С тех пор я начал почитать томики из библиотеки Элеоноры, и она об этом знает, но никогда не ехидничает.

К слову сказать, в истории с Ритой «Ниро Вульф» и «Арчи» достойно выдержали испытания, мы нашли того, кто задумал дьявольскую историю. Другое дело, что это оказался совсем не тот человек, которого хотелось бы видеть на месте убийцы, и мы с Норой испытали настоящий шок, поняв, каких огромных и мрачных псов случайно разбудили своими действиями. Но это другая сторона вопроса.

И вот теперь Норе хочется повторить опыт. Очевидно, ей не хватает адреналина. Конечно, она сейчас абсолютно уверена, что Соня безвинно страдает на нарах. Моя хозяйка слегка идеализирует своих подруг. Но, с другой стороны, ей страстно хочется вновь попробовать себя на ниве детективных расследований. Она выстояла в дефолт и преодолела финансовые неурядицы, ее бизнес катится по хорошо накатанной колее, да еще Нора обладает замечательным умением создать отлично работающую команду. Так что на данном этапе она может месяцами не появляться в офисе, дело великолепно крутится без хозяйки, что, безусловно, свидетельствует о великолепных организаторских способностях Элеоноры. Но ей, очевидно, стало скучно, Нора не привыкла, как моя маменька, порхать с вечеринки на вечеринку, она терпеть не может тусовочный образ жизни и свободное время любит проводить у камина с детективом в руках.

Только вот беда! Свободного времени стало чересчур много.

– Ладно, Ваня, – сбавила тон Нора, – отправляйся. Если удачно справимся с ситуацией, выдам тебе премию. Насколько помню, зарплата Арчи сильно зависела от того, каким делом занят Ниро. Так что и тебя поджидает конвертик.

Я хмыкнул. Ниро Вульф зарабатывал себе на жизнь частными расследованиями, да, он платил деньги Арчи, своему секретарю. Получал от клиентов гонорар и вручал часть его Гудвину. Но у нас-то другая ситуация! Нора собирается тратить собственные средства. Просто смешно! Хотя она очень богата, а обеспеченные люди могут себе позволить дорогие игрушки и бессмысленные развлечения.

– Что ухмыляешься? – обозлилась хозяйка.

Я, естественно, не стал излагать ей мысли, которые только что крутились в голове, а сказал совсем иное:

– Ну, для полноты сходства нашего дуэта с Ниро и Арчи не хватает многих деталей.

Нора, направившаяся к двери, притормозила и обернулась.

– Каких, например?

– Начнем с того, что у толстяка имелся великолепный повар Фриц, готовивший умопомрачительные деликатесы, а я сегодня сам варил кофе на кухне и, честно говоря, приготовил отвратительную бурду.

– Твоя правда, – пробормотала Нора, – надо срочно искать кухарку, мне тоже поперек горла встала стряпня Ленки. Квартиру она убирает хорошо, но готовит мерзко, теперь мне стало ясно, отчего ее бросил муж.

Вдохновленный успехом, я продолжил:

– А еще Ниро разводил орхидеи, а у нас даже кактусов нет.

– На кухне стоит алоэ, – напомнила Нора.

Я отмахнулся:

– Столетник давно умер, и горшок отнесли на помойку. Среди нас не нашлось цветоводов, даже неприхотливое алоэ не выжило в спартанских условиях, по моему, его года три никто ни разу не поливал.

– Вот что, – обозлилась хозяйка, – немедленно поезжай куда велено, остальные проблемы я решу без тебя.

Я взял ключи и спустился к машине. В конце концов, я наемный служащий и обязан подчиниться тому, кто выдает зарплату.

Катю Мамонтову удалось отыскать легко. Когда я запарковал «Жигули» во дворе, возле подъезда Беаты прохаживалась девушка, одетая в цигейковую шубу и валенки. Чуть поодаль от нее, почти у самой двери, ведущей в подъезд, копошилось крохотное существо в комбинезоне.

– С Новым годом, – улыбнулся я, подходя к молодой матери. – Уже выпались после праздника?

Девушка весьма дружелюбно ответила:

– Да я его и не встречала, легла спать сразу после полуночи.

– Чего так?

– Ребенок в шесть утра будит, ему все равно, что Новый год, что Пасха, маленький очень.

Я хотел спросить, не знает ли она, где живет Катя Мамонтова, но тут железная дверь подъезда стала медленно приоткрываться. Сообразив, что тяжелая створка сейчас ударит малыша, я подхватил его, переставил в безопасное место и спросил:

– Что же вы дочку тут оставили? Ведь ушибут девочку.

– Это мальчик, впрочем, спасибо. Ему уже один раз досталось. Вылетела ненормальная да как толкнет! Вон, видите на лбу и щеках ссадины? До сих пор не сошли.

– Так вы Катя Мамонтова?

– Мы знакомы? – изумилась девушка.

Я поколебался секунду и бодро соврал:

– Разрешите представиться, Иван, брат Беаты Быстровой. Вы ее знали?

– Господи, – воскликнула Катя, – ужас-то какой! Прямо кошмар! Меня свекровь тоже терпеть не может, все зудит, придирается: рубашки не погладила, котлеты не приготовила! Между прочим, у меня ребенок! А помощи ни от кого нет! Муж целыми днями на работе, явится и на диван перед телевизором плюхается. Сказала тут ему: «Сходил бы в супермаркет, принес бы овощи». Такой хай поднял: «Я тружусь как каторжный, хочу вечером отдохнуть. А ты весь день дома!» Видали таких, а? Я за двенадцать часов ни разу не присяду, кручусь по хозяйству. Маменька его только ноет: «Ах, давление, ой, радикулит, ай, сердце». Упадёт на диван и указания раздает: Катя туда, Катя сюда...

– Вы женщину, которая вашего мальчика толкнула, хорошо разглядели? – прервал я поток жалоб.

– А то! Конечно. Вот уж стервятница, ребенка с ног свалила.

Я хотел для порядка возразить, что не следует сыну разрешать играть прямо у входа, изнутри-то не видно, что творится на улице, но проглотил замечание. Катя же тем временем продолжала злиться:

– Ну уронила ребенка, так подними, отряхни, извинись. Нет, унеслась, словно ей хвост подожгли, бегом к метро кинулась, еще и Ленку снесла.

– Кого?

– У нас тут за углом лоток стоит с газетами. Эта ненормальная выбежала из двора, подошла к продавщице и говорит: «Дайте „Семь дней“». Ленка ей журнальчик протянула, а эта идиотка на столик оперлась, и все в снег опрокинула. Ну не дура ли?

Действительно, странно. Соня, убив Беату, выскочила в невменяемом состоянии из квартиры несостоявшейся невестки, пролетела мимо упавшего ребенка... Я хорошо знаю госпожу Чуеву, это интеллигентная, хорошо воспитанная женщина. Если бы она случайно толкнула крохотного мальчика, то мигом бы бросилась поднимать его с извинениями.

Но Соня пролетела, чуть не затоптав ребенка. Впрочем, зная, что она только что пережила, я не удивляюсь. Странно другое. Отбежав пару метров в сторону, Соня притормозила у газетного ларька и преспокойно решила купить программу

телевидения. Я покачал головой:

- Так вы ее запомнили? Можете описать?

Катя не удивилась просьбе.

- Шуба коричневая каракулевая, с воротником из норки, шапка в тон...

- А лицо?

Девушка засмеялась.

- Ну очки такие, старомодные, коричневые, квадратные, у моей бабушки похожие, родинка на щеке, вот тут, возле носа.

- Спасибо, - сказал я.

Старомодные очки и родинка - это точно Соня. Не понимаю, на что надеется Элеонора. У Кати отличная память, она мигом узнает госпожу Чуеву.

- Знаете, кто это был? - немедленно спросила девушка.

- Нет, - на всякий случай ответил я и вздрогнул.

Как все автомобилисты, я не ношу теплое пальто, и мороз пробрался сквозь демисезонную куртку.

- Убийца! - сообщила Катя.

- Да ну? - подскочил я.

- Вы не в курсе?

- Нет.

- А еще брат!

- Извините, я только приехал из-за границы.

- Тогда понятно, - затарахтела Катя. - Слушайте, я все-все знаю, главный свидетель! Сестра ваша замуж собиралась, а будущая свекровь ее ненавидела!

- Кто это вам сказал? - поинтересовался я, лязгая зубами.

Честно говоря, ботинки у меня тоже не предназначены для длительных прогулок, замшевые, на тонкой подошве...

- Да сама Беата!

- Вы дружили?

Замотанная в толстую шубейку и обутая в теплые валенки, Катя совершенно не испытывала холода, поэтому принялась весьма словоохотливо прояснять ситуацию.

Как-то раз, примерно месяц тому назад, мать мужа довела девушку до слез, и она гуляла во дворе с сыном в отвратительном настроении. Неожиданно из подъезда вышла Беата и улыбнулась.

- Здравствуйте, какой сегодня день замечательный, солнечный.

- Ничего хорошего, - буркнула Катя.

Она немного удивилась. Беата появилась в их доме не так давно и держалась со всеми вежливо, но отчужденно.

- Вы расстроены? - спросила соседка.

- Свекровь доконала, - пожаловалась Катя, - прямо запилила до смерти, все ей не хорошо.

– Вот и у меня такая же будет, – вздохнула Беата, – еще в загс заявление не отнесли, а уже терпеть меня не может.

Около получаса девушки простояли возле подъезда, обсуждая милых родственниц, и расстались весьма довольные друг другом. Катя и думать забыла об этом разговоре, но пару дней назад ее вызвали повесткой в милицию, провели в комнату, где стояло пятеро женщин в каракулевых шубах, и попросили:

– Посмотрите внимательно, никого из присутствующих ранее не встречали?

Девушка прищурилась и воскликнула:

– Вот эта из нашего подъезда вылетела! Я ее сразу узнала, по родинке на щеке.

Потом молодой милиционер, провожавший Катю на выход, разболтал, что эта тетка убила накануне свадьбы невесту своего сына.

– Вот оно как, – причитала Катя, – теперь они нас уже ножами резать начали. Я прям боюсь в ванну пойти, моя запросто утопить может.

– Почему вы сказали, что Беата недавно появилась в доме? – удивился я.

– Так Евгения Львовна умерла, – невпопад ответила Катя.

– Кто? – совсем растерялся я.

– В ее квартире раньше баба Женя проживала, а примерно год назад ее похоронили. Ну затем Беата въехала, вроде ей по наследству площадь отошла.

– Где же она раньше жила?

– Понятия не имею.

Я лязгнул зубами и осведомился:

- Не знаете, случайно, Лена эта, что газетами торгует, где обитает?

- А здесь, - пояснила Катя, - в нашем подъезде, на пятом этаже, ее квартира самая последняя.

- И Евдокия Петровна тут?

- Эта старая жаба? Точно.

Я поблагодарил Катю и на негнущихся, словно поленья, ногах двинулся в подъезд.

Внутри обшарпанного помещения невыносимо воняло кошачьей мочой, но мне было все равно. Сняв перчатки, я взялся за батарею и почувствовал, как тепло проникает сквозь ладони. Внезапно на лестнице показалась старуха и заругалась:

- Ишь, устроился, ступай отсюда во двор ссать. Нечего из подъезда сортир делать!

- Я греюсь.

- Брехун, - выплюнула милая старушка, - навонял тут.

Ее толстое, помятое лицо излучало гнев, маленькие глазки злобно поблескивали из-под набрякших век. Я оторвался от батареи и пошел вверх. Сначала заглянул к Лене, которая первого января в такой мороз явно сидит дома.

Дверь без всяких вопросов распахнула девочка лет двенадцати. Лениво двигая челюстями, она, обдав меня запахом мятной жвачки, поинтересовалась:

- Что надо?

- Можете позвать Лену?

- Маманька на работе.

– Ужасно, – совершенно искренно возмутился я, – в такой жуткий холод торгует на улице.

– Жрать-то всегда охота, – философски пояснила девчонка, – мамашке семьдесят рублей в день дают, не выйдет на точку – ни фига не получит! Да вы, дяденька, ступайте за угол, она там кукует.

– До которого часа?

– В восемь свернется.

Я вздрогнул. Стоять на пронизывающем ветру десять часов, не имея возможности нормально поесть и согреться, получая за каторжный труд семьдесят рублей? Ей-богу, мне здорово повезло в жизни.

– Не подскажите, Евдокия Петровна в какой квартире живет?

– Жаба? Прямо под нашей, – ответила отроковица и с треском захлопнула дверь.

Я пошел по ступенькам к той, кого Катя и дочь Лены называли жабой.

Глава 7

Надо сказать, что Евдокия Петровна и впрямь напоминала лягушку. У нее были слегка выпученные глаза и большой рот, сходство довершал темно-зеленый халат, в который куталась бабушка. Скорей всего, у нее проблемы со щитовидкой, я бы на месте родственников старухи сводил ее к эндокринологу.

– Тебе чего, милоч? – весьма приветливо осведомилась Евдокия Петровна. – Чем торгуешь?

Внезапно я ляпнул:

– Милиция, разрешите войти?

– Конечно, – засуетилась хозяйка, – скидавай ботинки, держи тапки. Экая у тебя куртка жидкая, прямо на рыбьем меху; платят небось мало, хорошую вещь не купить. Замерз, поди, хочешь чайку с мороза?

Я влез в засаленные шлепанцы и с благодарностью ответил:

– С удовольствием.

Бабулька препроводила меня на кухню, капнула в огромную чашку заварки, щедро долила кипятку и, поставив передо мной светло-желтую жидкость, велела:

– Клади сахар, не стесняйся.

Я обхватил кружку озябшими ладонями. Я пью всегда очень крепкий чай, почти черный, на худой конец красно-коричневый. К такому, который сейчас радушно предлагает Евдокия Петровна, не притронулся бы ни за что, но он был горячий, а я заледенел до самого желудка. Глотнув пахнущее веником пойло, я строго спросил:

– Можете рассказать, что слышали, стоя под дверью квартиры Беаты Быстровой?

– Вот страсть господняя! – всплеснула руками бабуся. – Просто жуть! Убили девку-то! Зарезали! Ножом! Всю истыкали!

– Откуда вы знаете?

– Так Петька рассказал, участковый наш, он в квартиру входил! Кровищи вокруг, говорил, море!

Я молча глотал слегка подкрашенный напиток. Очевидно, этот Петька не очень заботился о такой вещи, как тайна следствия!

– Жуть страшная, – продолжала балабонить старушка, как все пожилые люди, она обожала быть в центре внимания, – ни отмыть, ни оттереть. Теперича людям ремонт делать придется.

– Кому?

– А не знаю, тем, кто туда въедет, наследникам. Уж не останется комната без хозяина, – выпалила на едином дыхании Евдокия Петровна. Потом она наклонилась ко мне и зашептала, крестясь: – Сейчас молодые не сильно-то в нечистую силу верят. Все у них компьютер да телевизор, а я тебе так скажу: в той квартире нехорошо, дьявольское место!

Понимая, что бабушка не остановится, пока не выговорится, я спросил:

– Почему вы так думаете?

– Сам посуди, милок, – затараторила хозяйка, – жила там семья, Евгения Львовна, Семен Андреевич и детки ихние, Паша и Галя.

– Вчетвером в одной комнате?

– Так квартирку Семен получил от завода. Еще неженатый был, вместе с отцом и въехал. Ох, с Андрея Семеновича все началось, про него забыла!

– Что началось? – Я начал терять нить разговора.

– Ты не перебивай, экий торопыга, право слово! – рассердилась бабка. – Дай по порядку-то изложить! Значитса, только они въехали, года не прожили, мебелью еще хорошую купить не успели, как Андрея Семеновича машина сшибла. Аккурат в нашем дворе. Он на лавочке скучал, курил себе спокойненько, а тут мусорщик вылетел и задом скамеечку обвалил. Шофер пьяный оказался, посадили его потом, только что толку? Мужика не вернуть.

Я внимательно слушал старуху. После смерти отца Семен женился, у него родились дети-погодки, казалось, все хорошо, но неожиданно грянуло несчастье. Заболел сын. Мальчика пытались лечить, но он умер, не успев справить пятый день рождения. Семен Андреевич и Евгения Львовна просто почернели от горя и всю свою любовь отдали дочери. Мать ни на шаг не отходила от девочки, водила везде за руку, но не уберегла. Галя скончалась в восемь лет от лейкоза. После всех обрушившихся на семью несчастий Семен начал пить горькую и однажды зимой просто замерз на улице, упал пьяный в

сугроб, заснул и не проснулся. Евгения Львовна превратилась в истовую богомолку. В любое время года она носила черное пальто до пят и повязывала голову платком. Мимо соседей бедняжка проскальзывала тенью, никогда не здоровалась, но люди не осуждали, а жалели несчастную женщину. Впрочем, она пережила мужа на двадцать лет. Умерла совсем недавно.

Устав от ненужных сведений, я довольно резко спросил:

- Ну и что?

- Как это? - возмутилась старуха. - Чего глупость спрашиваешь? Не успела она на тот свет перекинуться, как в квартиру Беата въехала, и что вышло? А? Нет, точно дьявольское место! Надо бы батюшку позвать и молебен заказать.

- Вы лучше вспомните, о чем Беата говорила со своей гостьей, - потребовал я.

Евдокия Петровна попыталась сосредоточиться и довольно связно передала диалог, подслушанный под дверью.

- Случайно вышло-то, - оправдывалась она, - сумки руки оттянули, вот и встала у чужой квартиры. Мне бы и в голову не пришло любопытствовать, что у людей происходит.

Я кивал, пытаюсь сохранить на лице самое милое выражение. Похоже, Евдокия Петровна, как все женщины, никогда не упустит возможности сунуть нос в чужие дела.

- А уж как я перепугалась, когда она Беату убить пообещала! - квохтала бабуля. - Откуда только силы взялись, мигом на свой этаж взлетела.

Ага, наверное, решила, что сейчас дверь распахнется и разъяренная соседка, обнаружив на коврике прильнувшую ухом к замочной скважине Евдокию Петровну, надает ей зуботычин.

- Значит, последнее, что вы слышали, была фраза про убийство?

- Точно, - ответила информаторша и перекрестилась.

- Почему же вы решили, что это Беате грозят? Людей-то вы не видели, вдруг, наоборот, девушка будущую свекровь пугала?

- Э, милочек, - напряглась старушка, - ну не совсем же я из ума выжила! Соображение имею, по голосу скумекала. Один бодрый такой, высокий, а другой глухой, с кашлем. Нет, пожилая грозила, да с таким чувством, меня аж до костей пробрало!

- Больше ничего не вспомните?

- Нет, милый, - покачала головой Евдокия Петровна, - убегла от греха к себе. Да, собака как раз залаяла. Бабы на секунду свариться перестали, так пес загавкал, ну я и подхватила.

- У Беаты жила собака?

- Нет.

- Тогда кто лаял?

- Сама удивилась сначала, а потом докумекала: небось убийца с шавкой пришла.

Я встал, поблагодарил за чай, вышел в прихожую и, завязав ботинки, уточнил еще раз:

- Твердо уверены, что лай несся из квартиры Беаты? Может, у соседей песик «разговаривал»?

- Так у нас в подъезде ни одной собаки, - быстро пояснила Евдокия Петровна, - кошки здесь, а в тридцатой попугайчики. Идешь по лестнице, остановишься передохнуть, а они так бойко чирикают, прямо музыка.

Да уж, похоже, самое любимое занятие бабули - это напряженно вслушиваться в звуки, доносящиеся из квартир соседей.

На улице похолодало еще сильнее. Подняв воротник, я порысил за угол дома. Интересно, каким образом Нора хочет оправдать Соню? На мой взгляд, и Катя, и Евдокия Петровна дали просто убийственные для Чуевой показания! Единственное, что мне непонятно, это откуда в квартире Беаты взялась собака и куда она делась потом.

Лоток с газетами стоял не у дома, а чуть поодаль, на перекрестке. Я подошел к торговке и, приветливо улыбаясь, спросил:

- Простите, вы Лена?

Женщина подняла голову:

- И чего?

Она походила на гору, вернее, на холм, низенький и толстый. Рост газетчицы почти совпадал с объемом талии. Неожиданно Лена стащила огромную варешку, на свет показалась маленькая, совсем детская ладошка, и до меня внезапно дошло: она не полная, просто из-за холода нацепила на себя куртку, а сверху еще натянула безрукавку из цигейки.

- Что вам надо? - шмыгнула носом продавщица. - Газету или журнал?

Чтобы расположить ее к себе, я вытащил сторублевую банкноту и попросил:

- Наберите изданий на эту сумму.

Обрадованная женщина зашуршала бумагой, потом спросила:

- Пакет дать?

- Сделайте милость.

- Тоже мне милость, - фыркнула баба, - пять рублей гони, и все дела.

Я вынул монетку, протянул ей и поинтересовался:

- Как бизнес идет?

- Нет никого, вы первый, народ от холода дома прячется.

- Зачем вы тогда стоите?

- Хозяин велит, ему наплевать, что мороз, если не выйду, денег не даст, а нам с дочкой жрать надо.

- И сколько получаете?

- Семьдесят рубликов за смену.

Я вновь открыл кошелек, снова добыл оттуда розовую бумажку и положил ее на газеты.

- Это что? - напряглась Лена.

- Берите, премия.

Но бедная женщина твердо усвоила истину про сыр и мышеловку. Не прикасаясь к деньгам, она протянула:

- Что вам от меня надо?

- Да вы не бойтесь, - улыбнулся я.

- Что лыбишься, словно гиена, - неожиданно рявкнула Лена, - говори живо, в чем дело!

- Помните женщину, которая несколько дней назад налетела на ваш лоток?

- Кто ж такую дуру забудет!

- Описать ее внешность сумеете?

- Это все?

- Да.

Лена осторожно взяла деньги, помяла в руках, потом сунула сторублевку в карман и вполне дружелюбно сказала:

- Так ничего особенного в ей не было. Шуба из каракуля, воротник норковый, шапка такая, круглая, меховая, очки в коричневой оправе. В общем, сильно старомодная, сейчас так не одеваются. Вышла она из-за угла, подбежала ко мне и потребовала: «Дайте „Семь дней“».

Лена отпустила товар, получила купюру, положила на тарелочку сдачу. Тетка оперлась рукой с ярко-красными ногтями на столик, и тот по непонятной причине опрокинулся. Журналы и газеты попадали в снег. Лена разозлилась:

- Ну за каким фигом на столик навалилась? Подбирай теперь!

- Сама соберешь, не барыня, - огрызнулась тетка. - Где моя сдача?

- Вона, в сугроб укатилась, когда ты лоток снесла!

- Давай деньги.

- Так они в сугробе.

- Выкладывай другие.

- ... совсем! - взвилась продавщица. - Лезь за ними, один раз уже дадено...

- Дрянь!

- Гадина!

Они препирались пару минут, и тетка ушла к метро.

– Вот ведь падла какая! – возмущалась сейчас Лена. – Специально сапожищами по газетам потолклась, все изодрала. У меня хозяин потом из зарплаты вычел. Я эту скотину на всю жизнь запомнила! Морда противная, родинка у самого носа, очки, челка седая до бровей висит. Сама старая, а хулиганка, да и маникюр как у проститутки, ногти красные-красные, словно она их в кровищу окунула.

– Вы уверены, что это были ногти?

– А что у людей на пальцах? Волосы? Слава богу, с глазами у меня полный порядок. Увижу еще раз, сразу узнаю и морду отполирую.

Еле двигая совершенно заледеневшими ногами, я дошел до машины, открыл дверь, воткнул ключ в зажигание и застонал от злости, услышав столь неприятный для любого автомобилиста звук: цык-цык-цык. Мотор не заводился, очевидно, не слишком новый аккумулятор не вынес мороза.

Конечно, многие мужчины шутя справляются с подобной проблемой, но не я. Техника ставит меня в тупик, максимум, на что я способен, – это ввернуть лампочку.

С тоской захлопнув дверцу, я со всей возможной скоростью понесся к метро. Сейчас доберусь до дома, позвоню механику Георгию Васильевичу, уж он-то быстро оживит умерший «жигуленок».

В подземке я был последний раз году этак в девяносто первом, поэтому страшно удивился, когда вместо жетона мне в кассе выдали картонный прямоугольник. Я попытался запихнуть его в щель автомата, но он не пролезал. Сзади напирала толпа.

– Эй, дядька, – крикнула размалеванная девица, – дрыхнуть дома надо, поворачивайся живее!

– Наверное, автомат сломан, – растерянно протянул я.

– Он в порядке, – взвизгнула девка, – это у тебя голова не работает! Ну как ты карточку суешь? Повернул жопой вперед! Давай сюда!

Цепкой ладошкой с короткими пальцами она выхватила карточку.

– Смотри, деревня, тут для таких, как ты, козлов, стрелка нарисована, ясно?

Автомат хрюкнул, втянул внутрь карточку, потом выплюнул ее назад. Я указал на красный огонек.

– Видите? Он все же неисправен.

– Ну, блин, ты откуда в столицу появился? Из какого Зажопинска? – веселилась девчонка. – Вытащи пропуск и шагай.

– Чего над человеком потешаешься? – сурово сказала женщина лет пятидесяти. – Небось и впрямь впервые в метро, объясни нормально.

– Понаедет провинция, – не сдалась девушка, – все метро заполнили.

– Сама-то ты москвичка? – хмуро осведомилась тетка, выдергивая мой талон на вход.

– Да, а шо? – скривилась девчонка.

– Ой, не могу! Шо! Ни шо, – захихикала тетка. – Езжай в свое общежитие, лимита убогая, ишь когти раскрасила, срам смотреть!

Я не стал слушать их ругань, а, быстро пройдя турникет, спустился на платформу и стал ждать поезда. Если признаться честно, живу словно рыба в аквариуме, плаваю в закрытой системе и редко общаюсь с народом. Может, это к лучшему?

Поезд с ревом подкатил к перрону, я вошел в вагон, который, к моей радости, оказался полупустым. Сел на сиденье и принялся бездумно разглядывать пассажиров, большинство из которых держало в руках книги.

Недавно «Литературная газета», которую я продолжаю по привычке покупать, затеяла целую дискуссию на тему, кого из современных литераторов считать гениями. Назывались совершенно неизвестные мне фамилии, в результате

победил некто Слонов с повестью «Душевная рана». Интересно, журналисты «Литературки» когда-нибудь ездят в столичном метро? Сейчас в вагоне находилось примерно двадцать человек, и я насчитал три томика Марининой, два – Колычева, четыре – Литвиновых и один – Агаты Кристи. Остальные уткнулись в учебную литературу, Слонова не было ни у кого.

– Следующая станция... – ожил динамик.

В вагоне началось шевеление. Часть пассажиров вышла, им на смену вошли другие. У вновь прибывших тоже оказались книги: парочка любовных романов, Дашкова и грамматика немецкого языка. Двери начали закрываться.

– Эй, погодь, – донеслось с платформы.

К вагону спешил дядька с двумя обшарпанными чемоданами в руках. Он подлетел к двери, всунул между створками голову, украшенную кожаной кепкой, и в эту же секунду они хлопнули, зажав несчастному шею. Все произошло в секунду, вагон дернулся и медленно пришел в движение.

– ... – заорал бедный мужик, делаясь похожим на огнетушитель, – отъездился!

Я вскочил и ринулся к бедолаге, еще пара мужиков кинулись на помощь. Объединив усилия, мы отжали двери. Поезд, вздрогнув, остановился. Потный, тяжело дышащий мужик ввалился внутрь.

– Вот так ... – сказал он.

– Послушай, дед, – возмутился один из парней, открывавший двери, – если в следующий раз попадешь в такое положение, бросай свои баулы и раздвигай створки, так и погибнуть можно.

– Еще чего, – огрызнулся дядька, – чтоб мой багаж сперли!

– Вот дурья башка, – взвился юноша, – если голову оторвет, ничего уже не понадобится.

– Не скажи, – отдувался дядька, вытирая лицо рукавом болоньевой куртки, – у меня в узлах полно всего хорошего, за деньги купленного, а в вашей Москве одни воры. Меня шурин крепко предупредил: «Ты, Василий, чемоданы без присмотра не оставляй, мигом...» Ох и натерпелся я страху! Метро-то дурацкое! Виданное ли дело, поезд двери закрыл и поехал! Чуть не убил меня.

– Надо было другой поезд подождать, – вступила в разговор женщина в голубой шапке из мохера. – И незачем метро ругать, просто следует аккуратно им пользоваться!

– Дрянь, а не транспорт, – решительно сказал дядька, подхватывая чемоданы, – а вы все в этом городе психи – бегом, скачком... Орут все, пихаются, бутылка пива семнадцать рублей стоит! Это кто же себе такое позволить может? Ваще, блин, сдурели.

Поезд мирно докатил до следующей станции. Двери распахнулись, я вышел на платформу. Вообще-то, провинциал был прав, окружающие сограждане толкают со всех сторон.

Глава 8

Нора взяла у меня диктофон, на который я, не надеясь на собственную память, записал рассказы тех, кто видел Соню, и удалилась в кабинет. Я прошел к себе и лег на диван. Следовало пойти на кухню и заварить чай, а еще лучше порыться в холодильнике и соорудить пару бутербродов. Но, во-первых, я терпеть не могу хозяйничать, во-вторых, во рту прочно поселился вкус «чая», которым потчевала меня Евдокия Петровна, в-третьих, у плиты сейчас колдует над очередным несъедобным блюдом горничная Лена, она явно захочет мне услужить, но даже сыр, просто положенный на хлеб, в руках Леночки превращается в нечто отвратительное. Я натянул на себя плед и начал медленно засыпать, сказывались последствия бессонной ночи. Ноги наконец-то согрелись, тело расслабилось. В комнате было тепло, пахло моим любимым табаком. Пару месяцев назад я начал курить дома трубку. В город по-прежнему беру сигареты, но в свободную минуту устраиваюсь в кресле, раскрываю книгу, набиваю...

Вдруг зазвонил телефон.

Я нехотя приоткрыл глаза. Ни за что не встану, аппараты стоят во всех комнатах, Лена подойдет. И точно, вскоре телефон замолчал. Я опять начал проваливаться в сон, и тут оглушительно заиграл мобильный. Поняв, что отдохнуть не удастся, я взял «Нокиа» и буркнул:

- Да?

- Ванечка, - раздался голос Таисии, домработницы Nicolette, - будь другом, приехай поскорей.

- У вас что-то случилось?

- Так Nicolette заболела, орет дурниной, - ответила Тася, - видать, плохо ей совсем. Велела тебе явиться.

Я встал и открыл шкаф, машины нет, следует одеться потеплей. Можно, конечно, никуда не ехать. Вам кажется, что я плохой сын? Может, и так, но если Nicolette, по выражению Таси, «орет дурниной», значит, ей не так уж плохо. По моим наблюдениям, когда человек собрался умирать, он молчит. И потом, сдается мне, что маменьку треплет похмелье.

Ботинки на меху почти спасли меня от холода. Тася приняла дубленку и жарко зашептала:

- Врача велела вызвать.

- А ты как поступила?

- Ноль три позвонила!

Я укоризненно покачал головой, сейчас придется объясняться с озлобленными медиками.

В спальне было очень душно и пахло валокордином. Я решительно распахнул форточку, морозный воздух миглом ворвался в помещение.

– Вава! – взвизгнула маменька. – Ты решил меня убить! Немедленно закрой!

Я усмехнулся. Вава! Еще не так давно матушка постоянно звала меня этим детским именем, и пришлось приложить немало усилий, чтобы отучить ее от идиотской привычки. Правда, сейчас кличка «Вава» отчего-то перестала меня злить. Наверное, я в сорок лет пережил кризис подросткового возраста и стал смотреть на мир иными глазами. Впрочем, Nicolette теперь редко обращается ко мне так, только когда злится.

– У тебя болит голова?

– О-о-о, – простонала маменька из-под пухового одеяла стоимостью пятьсот долларов, – умираю! Слушай внимательно! Я привела в порядок весь архив, разобрала фотографии, письма. Тебе после моей смерти будет интересно посмотреть! Мне признавались в любви такие люди! Поэт Филимонов! Ты, надеюсь, слышал эту фамилию! Еще генерал Бобрин...

Я кивал. Nicolette в своем репертуаре. Примерно два раза в год она устраивает спектакль под названием «Близкая смерть» и торжественно пишет завещание. Затем призывает меня и начинает отдавать приказания. Ей и в голову не приходит, что чемодан, набитый пожелтевшими письмами, в случае чего будет мигом отправлен в печь. Мне совершенно неинтересно читать обращенные к маменьке любовные послания, я очень уважал отца и предпочитаю думать, что матушка ему никогда не изменяла.

– Вава, ты меня не слушаешь! – взвизгнула Nicolette.

– Нет-нет! Я очень внимательно слушаю.

– Тогда почему ты молчишь?

А что я должен делать, по ее разумению? Заламывать руки, падать на пол и биться затылком о паркет?

– Извини, я борюсь со слезами, не каждый день теряешь родную мать!

Николетта села, с подозрением глянула на меня, потом вновь обвалилась в подушки.

– О-о-о, моя голова, тошнит!

– Не следовало пить коктейли, предупреждал ведь.

– Какой ты зануда! О-о-о... Врача вызвали?

– Сейчас придет.

– Тася!!! – завопила маменька.

Домработница материализовалась на пороге.

– Немедленно смени постельное белье, дай розовое, то, новое, с вышивкой. И сорочку другую, голубую, нет, красную. Стой, дура, куда пошла?

– За бельем.

– Лучше пижаму, – рявкнула Николетта, – бежевую, с рюшами! Духи принеси. «Миракль».

– Ладно.

– Щетку для волос.

– Сейчас.

– Губную помаду и пудреницу!

– Ты зря так стараешься, – усмехнулся я, – скорей всего придет замороченная вызовами бригада, которой будет без разницы, какая на тебе рубашка.

Николетта подскочила на ортопедическом матрасе, за который я выложил такую сумму, что до сих пор тошнит при воспоминании.

- Вы не позвали Сергея Федоровича?

- Так он уехал с семьей отдыхать, - сообщила Тася, - в горы, на лыжах кататься. Позвонила ему на мобильный, а он говорит: «Извините, не могу, в Альпах сейчас, на подъемнике сижу».

- Кого же ты пригласила? - побагровела маменька.

- Ноль три набрала.

Николетта на секунду потеряла от гнева голос, но потом он к ней, к сожалению, вернулся, и матушка завопила так, что труба, от звука которой пали стены Иерихона, почернела бы от зависти.

- Ты обратилась в муниципальную службу!!!

- Так вы говорили, что умираете, - отбивалась Тася.

- Не настолько, чтобы звать бесплатного доктора!!! Боже!!! Ужас!!!

Она бы, наверное, растоптала глупую Тасю, но тут раздался резкий звонок в дверь. Домработница, радуясь, что легко отделалась, ринулась в прихожую. Николетта шлепнулась на кружевную наволочку и трагическим шепотом просвистела:

- Ну вот! Сейчас подумают, что к нищей приехали! Белье мятое, сама в несвежей сорочке!

Я не успел ничего ответить, потому что в спальне появились две хмурые тетки. Одна, чуть постарше, мрачно спросила:

- Что у нас?

- Умираю, - простонала Николетта, - инсульт разбил! О, скажите, сколько осталось жить? Мне нужно знать правду, у меня ребенок...

Врач молча вытащила тонометр, закрепила манжету и через секунду ответила:

- Нечего притворяться. Давление, как у космонавта, сто двадцать на восемьдесят. Да в вашем возрасте у людей давно гипертония!

Николетта села. По лицу было видно, что она растерялась. Конечно, маменька привыкла к ласково улыбающемуся Сергею Федоровичу, который охотно подыгрывает пациентам. Закатывает глаза, качает головой, цокает языком, потом, заговорщицки улыбаясь, вытаскивает аспирин, растворяет таблетку в воде и уверяет, будто это волшебное американское средство от инсульта, инфаркта, гепатита, СПИДа, словом, от всех болячек, которые придумала себе матушка. Потом берет конвертик и исчезает. После его ухода у Никоветты остается сладкое ощущение, что она избежала неминуемой смерти. А сейчас у нее в спальне стоят две злые бабы, которые не сняли уличной обуви, не помыли рук и не собираются возиться с «больной».

- Пили? - отрывисто поинтересовалась одна.

- Только коктейль, - пролепетала маменька, - розовый такой, вкусный.

Докторица сморщилась:

- Фу! Потому и болит голова. Надо бы сообщить диспетчеру, что ложный вызов сделали! Наговорили ей: умирает, сердце! А у самой птичья болезнь!

- Какая? - прошептала Никоветта, бледнея. - Какая у меня болячка?

- Перепел, - отрезала врач. - Как не стыдно, оторвали людей от дела, за такое полагается наказывать.

Маменька разинула рот, но звук не шел. Оно и понятно, будучи светской дамой, Никоветта вращается в таком обществе, где не принято выплескивать эмоции. Столкнувшись с нормальной человеческой реакцией на свое поведение, матушка оторопела.

- Отвратительно, - кипела тетка, пряча тонометр.

Я быстро вытащил кошелек. Врачи сменили гнев на милость и, посоветовав принять две таблетки анальгина вкупе с чашкой кофе, удалились было прочь.

Но тут Nicolette пришла в себя и решила не сдаваться.

– У меня дикие боли в спине!

Получив энную сумму, врачи считали себя не вправе отказать в помощи, поэтому развернулись и изучили позвоночник охающей матушки.

– Ерунда, – вынесли они вердикт, – остеохондроз, он у всех, даже у маленьких детей.

– Может, мне массаж поделают, физиотерапию? – ринулась в бой Nicolette.

Медички притормозили на пороге, потом более молодая женщина с неподражаемой интонацией произнесла:

– А смысл?

Все замерли, словно герои финальной сцены бессмертной пьесы Н.В. Гоголя «Ревизор». Врачи отмерли первыми и, громяхая железным чемоданом, удалились.

– Что она имела в виду? – растерянно протянула маменька. – Намекала, будто нет никакого смысла меня лечить?! Тася!!! Немедленно открой балкон и пропылесось пол! Вава, шагом марш в гостиную!!!

Я усмехнулся и пошел в указанном направлении. Через секунду в комнату принеслась Nicolette, размахивавшая конвертом.

– На!

– Что это? – удивился я.

– Мой подарок тебе на Новый год.

Обычно маменька на все даты дарит мне одеколон, а я, не раскрывая упаковку, передариваю парфюм кому-нибудь из приятелей. Дело в том, что Nicolette обожает тяжелые, душные, восточные, «роковые» ароматы, а мне нравятся свежие, чуть горьковатые запахи. Но на этот раз она не пошла по проторенной дорожке.

Я вытащил розовый листок.

– Извини, не понимаю...

– Дурачок! Я купила годовой абонемент в фитнес-клуб.

– Куда?! – выронил я от ужаса бумажку.

– В самое дорогое и престижное место во всей Москве, – затараторила маменька. – Знаешь, сколько стоит? Ах, не скажу! Это ведь подарок. Там такие условия! Бассейн, тренажерные залы, баня, сауна, джакузи, массаж – всего и не перечислить.

– Но я терпеть не могу заниматься спортом!

– Вава!!! Сейчас весь свет ходит в фитнес-клубы. Зять Коки каждый день там. Кстати, я и себе взяла абонемент, будем ездить вместе, очень удобно!

Перспектива отправляться рука об руку с маменькой в зал, набитый тренажерами, повергла меня в транс, но Nicolette была настроена серьезно:

– Вот завтра...

Но ей не дал договорить звонок в дверь.

– Это кто? – изумилась Nicolette.

– Понятия не имею, – пожал я плечами, – может, у соседней соль закончилась!

У Nicolette исказилось лицо.

- У нас приличный дом, тут не ходят по квартирам, а посылают прислугу в магазин! Тася!!!

Раздалось шуршание, и в комнату вплыла целая корзина алых роз.

- Вот, - сообщила Тася, - курьер принес, тут еще и письмо лежит!

Маменька с хрустом разорвала конверт, потом швырнула прочитанную открытку на стол и зарылась лицом в цветы.

- Какой аромат!

- Дорогушие небось, - покачала головой Тася. - Кто же столько деньжищ на ветер выбросил?

Я взял послание. «Для самой красивой женщины на свете. Осмелился прислать цветы, число которых совпадает с прожитыми вами годами». Далее следовала неразборчивая подпись.

Я быстро пересчитал цветы, их оказалось двадцать девять. По-моему, это слишком. Неизвестному поклоннику следовало раскошелиться по крайней мере еще на три десятка розочек, чтобы слегка приблизиться к истине.

- Ты знаешь, кто прислал корзину? - поинтересовался я у Николетты.

Маменька повернула ко мне совершенно счастливое лицо.

- Нет, но это неважно. Ах, какие розы!

Потом она увидела, что я хочу выйти в коридор, и заявила:

- Ваня, у меня кончились деньги!

- Как? Только двадцать девятого декабря я тебе передал конверт, там было...

– Сама знаю, – отмахнулась маменька, – тебе не стыдно попрекать меня жалкими копейками?

– Извини, я вовсе не хотел тебя обидеть, просто удивился, как ты ухитрилась истратить все за пару дней.

– Это совсем не трудно, – ответила Nicolette, – ты же не даешь мне миллион долларов!

Я только вздохнул. Маменька любой сумме в два счета приделает ноги.

Увидав мое озабоченное лицо, Nicolette попыталась оправдаться:

– Я купила тебе подарок! Поверь, абонемент в фитнес-клуб – дорогое удовольствие. Можно было, конечно, обойтись в два раза меньшей суммой, взять фиксированные два дня в неделю, но я не хотела экономить на тебе, это гадко!

Ну что можно ответить на такое заявление?

Глава 9

Не успел я войти в квартиру, как на меня наехала Нора, в прямом смысле этого слова, толкнула коляской и гневно поинтересовалась:

– Где шлялся? Почему не брал трубку?

Поскольку я постоянно провожу время в обществе милых дам, то научился терпению и кротости.

– Извините, я вынужден был отправиться к Nicolette, ей стало плохо с сердцем, а мобильный я оставил в спальне.

– Ладно, ступай в кабинет.

Я прошел к Элеоноре и сел в кресло.

- Значит, так, - заявила хозяйка, - слушай внимательно. Теперь я уверена на все сто, что Соня не виновата. Ее подставили. Осталось выяснить, кто и зачем.

- Что натолкнуло вас на эту мысль?

Нора довольно рассмеялась:

- Всего лишь простые размышления и одно случайное обстоятельство. Помнишь, эта девка, ну та, что торгует газетами, заявила, будто Соня оперлась на столик рукой с красными ногтями?

- Да.

- Так вот! Соня никогда не пользовалась лаком!

- Ерунда, может, в этот раз она изменила своим привычкам.

- Нет, невозможно.

- Почему?

- У Сони аллергия, она в молодости очень переживала, мы делали маникюр, а ей нельзя было даже посмотреть на пузырек с лаком, сразу руки покрывались пятнами и чесались.

Я призадумался:

- Может, она купила накануне накладные ногти, решила пофорсить перед будущей невесткой.

- Ваня, - возмутилась Нора, - ты издеваешься, да? Ну-ка, вспомни Соню.

Пришлось мне согласиться с хозяйкой. Госпожа Чуева была вовсе не похожа на модную даму. С одной стороны, ей, скорей всего, было просто наплевать на то,

что весь мир влез в широкие брюки, с другой – у нее элементарно нет денег. Соня носит те вещи, которые висят в шкафу лет десять. Не рваные, и ладно. Нет, она очень аккуратна, вся ее старомодная, весьма ветхая одежда чисто выстирана и тщательно отглажена. Вы, наверное, не раз встречали на улицах таких женщин, не слишком полных или худых, одетых в безликие юбки и кофты, волосы этих дам уложены на бигуди и начесаны, а туфли они предпочитают на толстом, практичном каблуке. Под стать костюму и сумка: нечто среднее между чемоданом, портфелем и хозяйственной торбой. В такую при случае влезут все необходимые вещи: телефонная книжка, тетрадь с лекциями, батон хлеба, пакет молока, гроздь бананов и упаковка памперсов для внуков. Впрочем, с другой стороны, может быть, госпожа Чуева и хотела бы хорошо и модно одеться, я не верю, что на свете найдется хоть одна женщина, совсем лишенная этого желания, но у нее не было таких возможностей. Все деньги Соня тратила на Николашу, вот ее сынок – завсегдатай элитных магазинов, на рынок парень никогда не пойдет. Не царское это дело.

Нора права. Увидеть Соню с накладными ногтями так же невероятно, как встретить на московских улицах медведя на коньках. Хотя, учитывая нынешнюю погоду, коньки просто необходимая вещь. Ладно, представим на секунду, что Соня лишилась разума и приобрела пластмассовые ногти. Но она бы ни за что не выбрала кроваво-красные, скорей уж нежно-розовые и бежевые...

Словно подслушав мои мысли, Нора сказала:

– Пурпурный маникюр давным-давно не в моде. Людей моего положения привлекают нейтральные цвета, молодежь предпочитает экстремальные варианты.

Я вспомнил хорошенькие ручки Риты, украшенные самым невероятным образом. Внучка Норы рисует на отполированных ноготках целые картины, а ноготь на указательном пальце у нее проколот, и в дырочку вставлен колокольчик.

– Теперь следующее, – продолжала Нора, – сначала...

Вдруг она замолчала и, пробормотав: «Лучше покажу», – покатила к двери.

– Вы куда? – удивился я.

– Хочу тебе кое-чего продемонстрировать, – загадочно ответила хозяйка, – никуда не уходи!

Я остался в кабинете и вновь начал бороться со сном. Часы показывали девять вечера, мой организм, измученный встречей Нового года и шатанием без машины по ледяным улицам, требовал отдыха.

– Ну как? – раздалось за спиной.

Я обернулся, и сон слетел с меня мигом. В инвалидном кресле сидела... Соня. Нет, Нора с лицом своей подруги.

– Ну как? – повторила очень довольная хозяйка.

– Потрясающе, – пробормотал я, – каким образом вы достигли подобного эффекта?

– Элементарно, Ватсон. Нахлобучила на голову парик, сверху нацепила шапку, выпустила челку до бровей, на нос водрузила жуткие очки, а родинку сделала из куска черного хлеба. Падает все время, зараза. Думаю, что та дрянь, которая затеяла эту историю, придумала нечто более удобное. Понимаешь, прикинуться Соней очень легко. Все внимание приковывается к этим кретинским очкам, седой челке и родинке. Люди просто не обращают внимания ни на что другое, ни на цвет глаз, ни на форму рта. Ленка купила мне парик у метро, вот с очками, правда, проблема, таких давно не выпускают. Поэтому я надела слегка другие.

– А фигура?

Нора хмыкнула:

– А вот это третье обстоятельство, которое окончательно убедило меня в том, что Соня тут ни при чем.

– Почему?

– Понимаешь, на ней была каракулевая шуба.

– Ну и что?

– меховое манто скрадывает очертания фигуры, это не коротенькая кожаная курточка. Если на женщине мех, трудно сразу сообразить, что под ним: точеные формы или обрюзгший кусок мяса.

– Но у Сони не было ничего кожаного, – вклинился я в монолог, – сколько помню, она всегда носила эту шубу.

– Ты не дал мне договорить! – возмутилась Нора. – Именно так! Соня лет двадцать таскала каракуль, который, честно говоря, уже потерял приличный вид. Шубку она купила в тот период, когда пристроилась почасовиком в Академию МВД. Денег там платили с гулькин нос, зато прикрепили ее к распределителю. Помнишь, что это такое?

Я кивнул. Подобное не забывается. В годы тотального дефицита основной мечтой советского человека было попасть в закрытые для широких масс населения магазины, где на прилавках лежали вожделенные продукты и вещи.

– Соня тогда дешево пошила шубу, – продолжила Нора, – причем не черную, а коричневую, достаточно редкого цвета. Не поверишь, на улицах на нее пальцем показывали.

– В то время любая выбивающаяся из общего фона вещь вызывала неумный восторг населения, но я никак не возьму в толк, при чем тут шуба?

– Иван Павлович, – сурово сказала Нора, – я ту шубенку знаю лучше, чем свои манто. Ну-ка, скажи, как описывали ее свидетельницы?

Я напрягся.

– Коричневая, каракулевая, длинная, широкая, с воротником из норки.

– Вот, – подскочила Нора, – вот оно!

– Что?

- У Сони никогда не было норки! Воротничок сделан из песка.

- Ну, эти меха похожи.

- Вовсе нет, - отрезала хозяйка, - впрочем, не спорю, вполне вероятно, что мужчина и перепутает песка с норкой, но женщина никогда. Уж поверь, любая девочка с ходу отличит одно от другого! Знаешь, как обстояло дело? Некто затеял маскарад и подставил Соню!

- Зачем?!

- А вот это мы и должны узнать, - отрезала Нора.

- По-моему, надо позвонить в милицию и изложить им свои соображения.

- Нет, сами станем искать того, кто устроил этот спектакль. Соня моя подруга, и я обязана ей помочь.

- Но...

- Ваня! - И Нора стукнула кулаком по подлокотнику кресла.

В то же мгновение сиденье, тихо поскрипывая, взметнулось вверх, и глаза хозяйки оказались на одном уровне с моими. Став инвалидом, Элеонора покупает себе самые современные модификации колясок. Последняя снабжена механизмом, который позволяет увечному человеку стать такого же роста, как и собеседник. Сиденье поднимается вверх. В этом есть смысл, очевидно, очень некомфортно разговаривать с людьми, когда они смотрят на тебя сверху вниз.

- Иван Павлович, - сурово отчеканила хозяйка, - изволь взять ноги в руки и отправиться к Николаю.

- Но уже начало одиннадцатого. - Я попробовал сопротивляться. - Наверное, парень спит, и потом, моя машина сломана...

- Дело не терпит отлагательств! - рявкнула Нора. - Соня небось сходит с ума в камере. Значит, разбудишь ее сыночка. А насчет автомобиля... Возьми мой

«мерс».

– Ни за что, – испугался я, – я не умею управляться с иномаркой, тем более с «шестисотым». Да ваш шофер мне потом руки оторвет!

– Не бойся, – усмехнулась Нора, – Шурик в отпуске. Как-нибудь разберешься, что к чему. Действуй. Живо!

Я вздохнул. Элеонора умеет разговаривать с людьми таким тоном, что отказать ей просто невозможно. Наверное, поэтому она и заработала невероятные миллионы.

– Что мне спросить у Николая?

Нора улыбнулась:

– Запоминай, Ваняша.

Если кто-то будет уверять вас, что «Жигули» лучше «шестисотого», не верьте. Я с некоторым страхом сел за руль дорогой автомашины и оглядел педали с рулевым управлением. Кажется, ничего особенного. Вот только непонятно, что это за рычажки. Ясно, они включают кондиционер.

Тихо шурша шинами, «Мерседес», словно голодный тигр, понесся по дороге. Да уж, бывают машины, бывают очень хорошие машины, бывают потрясающие машины, а бывает «Мерседес». Даже радио тут звучало по-другому, чем в моей «восьмерке». Руль реагировал на легкое движение пальцев, педали ходили упруго, и никакой ручки переключения скоростей. Я впал почти в эйфорическое состояние, еле удерживаясь от желания понестись по проспекту с недозволенной скоростью. Вот уж не предполагал, что способен на такие эмоции, всегда считал себя глубоко равнодушным к технике человеком, а машину – просто средством передвижения.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

См. роман Дарьи Донцовой «Букет прекрасных дам». М.: Эксмо.

2

Файф-о-клоки и журфиксы – чаепитие и день приема. (Искаженный англ. и фр.)
(Прим. автора.)

3

См.: Дарья Донцова. «Букет прекрасных дам». М.: Эксмо.

Купить: <https://tellnovel.com/ru/darya-doncova/brilliant-mutnoy-vody>

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)